

ЕКАТЕРИНА КАБЛУКОВА

Приказано
жениться!

Екатерина Каблукова

Приказано жениться

Авторский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66573214

Аннотация

Уехав из родного имения в столицу, Настя думала, что сумеет освободить отца, заточенного в крепость по обвинению в заговоре против государыни императрицы. И ей это почти удалось, если бы не одно «но»: по приказу императрицы ей надлежит выйти замуж, да не за кого-нибудь, а за оборотня... а ведь перед смертью мать Настина наказывала девушке хранить свою ведьмовскую силу, особенно от оборотней, ведь они... а вот какие они на самом деле те оборотни, что охраняют Елисавету Петровну, девушке лишь предстоит узнать...

Содержание

Пролог	4
Часть 1. Приказано жениться!	9
Глава 1	9
Глава 2	36
Глава 3	49
Глава 4	57
Глава 5	74
Глава 6	97
Глава 7	107
Глава 8	133
Глава 9	144
Глава 10	163
Конец ознакомительного фрагмента.	164

Екатерина Каблукова

Приказано жениться

Пролог

Девочка стояла на холме, всматриваясь в облака. Беспечно скользя по небу, они медленно исчезали за темной кромкой леса.

Извилистая речка, огибавшая изножье холма, чуть дальше разливалась запрудой, в которой ловили рыбу к барскому столу. Девочка знала, что деревенские мальчишки украдкой ночью приходили туда попытать счастья.

Дважды на ее памяти батюшка вместе с Петром, верным домашним слугой, ловили шалопаев и нещадно пороли, чтоб другим неповадно было, только это не помогало, смельчаки все равно находились.

Сейчас около запруды никого не было.

– Настя, Настенька, вот ты где! – голос нянюшки заставил вздрогнуть. И обернуться.

Статная голубоглазая женщина подошла и обняла девочку, притянула к себе, поглаживая темные, заплетённые в тугую косу волосы. От женщины пахло хлебом и еще чем-то, непонятным и тревожным. Настя вдруг заметила бурые пятна на сарафане.

– Откуда они? – насторожилась девочка.

– Кто?

– Пятна эти, – Настя подняла на няню свои огромные серые глаза, опущенные темными ресницами, и вдруг совершенно по-взрослому спросила. – Что с мамой?

– Ох, Настенька...

Наполненный рыданиями, по-бабьи горестный голос заставил девочку судорожно вздохнуть и до боли прикусить губу. Она поняла ответ и вновь уткнулась в пышную грудь няни, скрывая выступившие на глазах слезы.

– Ох, горе-то какое, – запричитала та, уже не сдерживая себя. – Брат твой мертвым народился, а сама матушка твоя... Господи, что с нами будет!!!

– Да не ори ты, – одернул няню высокий мужик, показавшийся на пороге дома. – Веди лучше, пусть с матерью попрощается!

Прощается. Это слово заставило девочку судорожно задышать, пытаясь сдержать рыдания. Невыплаканные слезы жгли глаза. Как же так? Мама умирает? Этого просто не может быть. Хотелось убежать, спрятаться в надежде, что все это – дурной сон, и что, пробудившись, Настя вновь увидит материнскую улыбку.

– Пойдем, деточка, пойдем... – слова достигли оцепеневшего разума.

Девочка послушно побрела за няней через сени в глубь

дома, где в полутемной горнице уже толпились домовые слуги. Там пахло кровью и смертью. Мужики сурово переглядывались между собой, гадая, как смерть хозяйки скажется на их собственной судьбе, а бабы начинали всхлипывать и тоненько подвывать.

– Молодая какая...

– И барин, как назло, уехал...

– Что теперь будет?..

При виде дочери хозяйки все расступились, давая девочке пройти к кровати, на которой лежала умирающая. Восковая бледность покрыла ее лицо, по коже струились капельки пота, и лишь волосы темной волной свешивались до пола, таинственно поблескивая в пламени свечей.

– Матушка, – прошептала девочка, не решаясь коснуться белоснежной руки, на которой тонкими синими ниточками виднелись вены.

– Настя? – та открыла глаза, обвела взглядом комнату, голос звучал глухо, с придыханиями. – Все вон пошли!

– Слышали? Все вон! – седая повитуха, до этого беззвучно шептавшая молитвы, оживилась, замахала руками, выгоняя людей, словно цыплят на птичьем дворе. Крестьяне медленно потянулись к дверям.

– Давайте шустрее, поторапливайтесь, – подгоняла их повитуха.

Дождалась, пока последний выйдет, и потянулась закрыть дверь.

– А тебе особое приглашение надо? – одернула ее хозяйка. – Вон пойди!

Старуха вздрогнула, прошамкала что-то тонкими губами и поспешила выйти.

– Настя, – умирающая протянула руку, осторожно погладила дочь по голове. – Бедная моя девочка... вот и остаешься ты сиротой... все ведьмино проклятие...

– Матушка... – девочка всхлипнула и схватила гладившую ее ладонь, – не оставляй меня, прошу!

– Не в моей власти это, Настенька, – обескровленные губы дрогнули. – Думала я, доживу, научу всему, что сама знаю, да отведу от тебя беду, ан вот как вышло... Выслушай меня и запомни: живи всегда по совести, по разумению. Отца слушайся, береги его...

– Матушка, может, я смогу помочь? – девочка вскинула руки, по пальцам пробежали едва заметные искорки.

– Надорвешься ты. И меня не вытащишь, и сама сгинешь в небытии. Нельзя тебе пока силу пользоваться, мала ты еще.

– Матушка... – девочка размазывала по лицу слезы.

– Тише, я еще не все сказала. Думала научить успею, да вот... А записей я не делала, побоялась... Слушай, доченька, слушай меня и запоминай. Сила в тебе великая... По рождению она в тебе искрится... Благословение это Божье... – женщина перевела дыхание. – Отца не вини, я его сама выбрала, наперекор матери пошла... вот и поплатилась...

Настя вновь всхлипнула. Об отце она и не думала: слыш-

ком уж редко он появлялся в жизни девочки, предпочитая больше времени проводить в столице, чем в имении.

Мать вновь продолжила, голос звучал еще тише:

– Сила наша ведьмовская – дар древних богов! В дурных да алчных руках она вред приносит. Оттого должна ты, Настенька, блюсти свою девичью честь и мужа себе выбрать достойного... Сила твоя его поддержит! А вот если дурной кто попадется... беде быть... Темный хозяин тебя к своим рукам приберет и зло творить заставит... – голос становился все тише. Последние слова умирающая буквально шептала. – И помни, дочка: оборотни...

Женщина закашлялась, затем несколько раз дернулась, дыхание оборвалось.

– Матушка, – прошептала Настя. – Матушка...

Поняв, что ей уже никто не ответит, девочка рухнула на колени и забилась в рыданиях.

Часть 1. Приказано жениться!

Глава 1

Анастасия задумчиво брела по дороге, стараясь не заляпать грязью подол единственного выходного платья. Оно досталось ей от матушки, несколько раз перешивалось в угоду моде и потому так выделялось своей пестротой против вошедших в моду однотонных платьев-робронов, в которых щеголяли столичные модницы.

Матушкин корсет давил на грудь и неимоверно царапал спину. Каркас юбки, сплетенный из ивовой лозы, так и норовил качнуться, демонстрируя зевакам старые потертые и полностью запылившиеся туфельки на каблучке, который девушке казался очень высоким.

Самой себе она напоминала цаплю, вышагивающую по болоту. Под сальными многозначительными взглядами молодых крестьянских парней Анастасия уже не раз пожалела, что надела это платье с достаточно глубоким вырезом, демонстрирующим полукружия груди, но не в сарафане же ей являться к императрице российской!

По дороге, обрызгивая прохожих грязью, ездили подводы и кареты, мужики в потных рубахах волочили бревно, напоминая Настеньке муравьев, а саму девушку то и дело толка-

ли спешащие куда-то мужчины в камзолах и напудренных париках. Белые чулки их были заляпаны комьями грязи.

Две дамы, брезгливо поджав губы, старались пройти по доскам, возмущаясь так некстати нагрянувшими дождями. И правда, распогодилось лишь сегодня, и то на низком горизонте зловеще чернели дождевые тучи. Суомского залива не было видно, но ветер, то и дело налетавший из-за золоченых куполов видневшегося впереди дворца, был пропитан запахом моря.

Настя вздохнула и, подобрав подол, решительно направилась в сторону Питерсхофского дворца, окруженного причудливой оградой.

Подойдя, девушка с восхищением смотрела на желто-белые оштукатуренные столбы с головами львов, в пролетах между которыми была установлена деревянная решетка из четырехгранных пик. За решеткой виднелись тщательно постриженные в виде фигур дерева и кусты, по гравиевым дорожкам с чинным видом расхаживали приближенные государыни императрицы Елисаветы Петровны.

Глядя на изысканные наряды и затейливые женские прически, украшенные цветами и камнями, Насте стало стыдно и за свое платье, которое она перешивала из матушкиного парадного, и за темные ненапудренные волосы, которые горничная девка Глаша смогла лишь уложить в достаточно скромный узел, да выпустить несколько прядей, едва касавшихся плеча их обладательницы.

– Поберегись! – проезжающая мимо карета едва не окатила волной грязи.

Чудом увернувшись, девушка опомнилась, гордо вздернула голову и зашагала к воротам. Не для того Анастасия терпела дорожные трудности, чтобы теперь, глядя на ряженных бездельников, отступать.

Но с каждым шагом уверенность таяла. Тогда, в имении, все казалось очень простым: добраться до Питерсбурха, испросить аудиенцию у императрицы и кинуться ей в ноги, прося милости для отца, заключенного в крепость.

Трудности начались еще в пути. Дороги развезло, и вместо трех дней пришлось добираться пять. Постоялые дворы были переполнены, и одну из ночей пришлось остановиться в крестьянской избе.

Гостье выделили самое лучшее место для сна – на печи, за занавеской, но сын хозяина, у которого резались зубы, всю ночь кричал, и девушка не выспалась. Но утром под ворчание верного кучера Петра Настя упрямо продолжила свой путь на север.

Столичный город встретил девушку свинцово-серым низким небом и сильным промозглым ветром. Подъезжая к заставе, Настя нервничала, что как её признают заговорщицей и поместят к отцу. Но подорожные документы были в порядке, и старая карета беспрепятственно въехала в город.

Затем были поиски постоянного двора, сырые простыни и голосистая компания гвардейцев, расположившаяся в питей-

ном заведении на первом этаже. От шума и городской суеты у Анастасии начала болеть голова, и девушка долго ворочалась, пытаясь удобнее устроиться на жестких подушках.

Вдобавок, ночью в столице было так же светло, как днем. Даже сквозь плотно занавешенные окна неяркий сумеречный свет проникал в комнату, словно за окном наступило утро.

Заснула Настя, лишь когда золотистые лучи рассветного солнца появились на небе. Пробудившись лишь к полудню, девушка долго лежала, собираясь с силами. Наконец, встала, надела заранее заготовленное платье и направилась ко дворцу Елисаветы Петровны.

Ехать пришлось через весь город. Возможно, в другое время, Настя бы с интересом рассмотрела причудливые здания на Невской перспективе или же полюбовалась золоченым шпилем храма на территории Апостольной крепости, как игла пронзающим небо, но сейчас девушка слишком утомилась и дорогой, и событиями, предшествовавшими ее столь внезапному путешествию.

Идти пришлось по весьма дурной, разбитой экипажами дороге, каменные дома вскоре сменились сараями и ледниками, над которыми гордо возвышалось двухэтажное бледно-розовое с белыми колоннами здание.

Около дворцовых ворот, за которыми виделся модный лабиринт из фигурно стриженных кустов, девушку ожидало еще одно испытание: оказалось, государыня императри-

да уехала в свою летнюю загородную резиденцию – Питерсхофф. Об этом поведали стражники, несшие караул около кованой ограды, украшенной золочеными двуглавыми орлами.

Настя вежливо поблагодарила солдат, вернулась на постоянный двор и решительным тоном, пресекавшим любое возражение, немедленно повелела ехать в летнюю резиденцию государыни. Глаша, горничная девка, всплеснула руками, а Петр пошел запрягать, ворча что-то себе под нос.

Путь прошел достаточно легко, и теперь Настя задумчиво рассматривала ворота в парк, около которых в полосатых бело-черных будках стояли навывтяжку стояли солдаты.

Глядя на них, девушка задумалась, понимая, что погорячилась. Обдумывая свой план, она не рассчитывала на караульные и столь многочисленную охрану государыни. Гвардейцы непременно спросят о цели визита и тогда...

В лучшем случае просто прогонят прочь, в худшем же – Настя вполне могла разделить участь своего отца.

– И как же теперь быть? – прошептала девушка самой себе.

Рука потянулась привычно потеревить косу, но волосы были высоко подняты и заколоты на затылке, и даже в этой малости было ей отказано.

Девушка еще раз кинула задумчивый взгляд на кованые ворота, гадая, что будет, если она использует свою силу. Впрочем, даже если Настя и отведет глаза часовым на посту,

в парке слишком много народу, кто-нибудь наверняка поинтересуется и незнакомой девицей, и целью её визита.

Анастасия вздохнула и собиралась пойти назад, когда из ворот торопливо выскочил гвардеец. Он двигался так стремительно, что девушка не успела отступить в сторону. Столкновение было неизбежно.

Понимая, что падает, Настя не могла удержаться от испуганного вскрика. Невольно она схватилась за красный отворот мундира. Крепкие руки подхватили девушку за талию, помогая устоять на ногах.

– Сударыня, простите, Бога ради!

Настя оказалась крепко прижата к мужскому телу. Ойкнув, девушка смущенно отстранилась, попутно заметив, что гвардеец очень высок. Она едва доставала макушкой ему до плеча.

– Пустое, – Настасье пришлось задрать голову, чтобы рассмотреть своего невольного обидчика.

Он был молод и хорош собой. Военный зеленый с красными отворотами мундир лишь подчеркивал ширину плеч, пуговицы и галуны были вызолочены, а трехцветный шарф на плече украшен серебряными кистями, что говорило об офицерском чине. Значит дворянин, иных в офицеры не брали.

Напудренный парик контрастировал со смугловатой кожей, будто ее обладатель часто бывал на солнце, впрочем, так оно и было: в Гвардии Ея Императорского Величества неженек не жаловали. Широкие скулы, нос прямой, хотя был

чуть длинноват, подбородок упрямо выпирает вперед – поговаривали, что государыня сама лично отбирала офицеров.

Темные брови, про которые говорят «соболиные», ресницы у гвардейца были тоже темные, но кончики – светлые, точно выгорели, а вот глаза...

Взглянув в них, Настя вздрогнула и невольно попятилась: на нее смотрели глаза волка. Желто-зеленые, с хищным прищуром. Они внимательно следили за девушкой, словно за ланью. Оборотень...

Вернее, преображенец. Только они даже в зверином обличье не теряли человеческий разум и легко могли обуздать звериную часть своей натуры.

Преображенский полк. Но если солдаты полка, набранные из крестьян, так и тянули лямку, оставаясь просто людьми, офицеры после таинственного обряда могли оборачиваться в огромных волков, готовых служить государыне до последнего вздоха.

Именно преображенцы в прошлом году и возвели дочь великого Петра на трон, буквально внеся на руках во дворец, и теперь были обласканы вне всякой меры.

– Вы шли во дворец? – офицер тем временем с интересом рассматривал незнакомку, отмечая грациозность худенькой – не по моде – фигуры и приятность черт лица.

Невысокая, стройная, темные волосы (на парик не похоже, стало быть, свои) уложены в незамысловатую прическу. Не красавица, и вполне могла показаться обыкновенной, ес-

ли бы не огромные, на пол-лица серые глаза, сейчас смотрящие на него в некотором испуге.

– Я? – Настя беспомощно огляделась и судорожно поправила шаль, соскользнувшую с плеча при столкновении. – Да, я действительно шла во дворец.

– Осмелюсь поинтересоваться, зачем?

Анастасия еще раз взглянула на незнакомца и, заметив в его глазах азартный огонек, собиралась резко одернуть его, справедливо указав, что её дела никого не касаются, но вовремя сообразила, что офицер Преображенского полка вполне может провести её мимо всех постов.

– Я шла на аудиенцию к императрице, – Настя постаралась, чтобы голос звучал твердо.

– Вот как? – Преображенец еще раз внимательно посмотрел на девушку, та кивнула, подтверждая свои слова.

– Вы могли бы меня проводить? – Она набралась смелости и с кокетливой мольбой посмотрела на гвардейца. – Я боюсь, что заплутаю.

В этот момент девушка была сама себе противна, но у нее не было выбора.

– Конечно! – обрадовался тот.

Вообще-то, передав дежурство, он собирался идти в казармы, но не в духе Григория Белова отпускать вот так хорошеньких незнакомок. К тому же звериная часть натуры, его волк, просто наслаждался запахом девушки: чистый, свежий, точно мята у лесного ручья, он кружил голову.

Белов еще раз внимательно осмотрел незнакомку. Девушка явно благородного происхождения, это видно и по осанке, и по тому, с каким достоинством она держит себя.

И коли незнакомка так уверенно заявляет об аудиенции, то положенная по уставу челобитная уже рассмотрена князем Черкасовым и передана государыне, а та поставила свою резолюцию. К тому же запах... он так дурманил голову. Волк внутри радостно тявкнул.

– Пойдемте!

Преображенец галантно согнул руку, предоставляя девушке возможность взять его под локоть. Настя замялась.

Пройтись рука об руку с незнакомым мужчиной без сопровождения считалось верхом неприличия. Но выбора не было. Девушка еще раз взглянула на гвардейца и решительно положила свою руку поверх его.

– Пойдемте! – сказала она.

Белов тихо усмехнулся, от него не укрылись сомнения, отразившиеся в глазах незнакомки. Гвардейцу вдруг захотелось по-детски поддразнить свою спутницу. Завести в одну из деревянных беседок-галерей, увитых диким виноградом, и поцеловать в красиво очерченные губы, но взглянув в огромные серые глаза, преображенец сдержался. Более того, от таких мыслей он вдруг почувствовал что-то похожее на стыд. Волк тоже škодливо прижал уши.

Григорий нахмурился и уже внимательнее посмотрел на девушку, гадая, не ведьма ли. Хотя нет, ведьм оборотни чужа-

ли за версту. К тому же перед ним была явно девица. Не стала бы женщина, столкнувшись с мужчиной и оттого невольно прижатая к нему, так краснеть и ахать.

— Пойдемте, — требовательно повторил гвардеец, слегка злясь на самого себя за невнимательность. Он не водил адюльтеров с девицами, предпочитая дам опытных и замужних. Впрочем, слово не воробей, поэтому девицу следовало сопроводить к императрице, после чего можно было вернуться в казармы.

Слегка сдерживая шаг, чтобы не заставлять девушку бежать за ним Григорий, приветливо кивнув часовым, решительно ступил за кованые ворота. По отсыпанной гравием дорожке, направился к новомодному желто-белому дворцу, совершенно недавно отстроенному заново Варфоломеем Варфоломеевичем Рострелли.

Стараясь не запутаться в платье, Настасья еле успевала за своим провожатым. Ивовый каркас раскачивался и больно бил по ногам. Девушка не сомневалась, что поутру там будут синяки, но она не стала просить гвардейца замедлить шаг.

От волнения сердце стучало сильно-сильно. Настя не могла поверить своему счастью. Первый же встречный с легкостью провел её сквозь многочисленные караулы, которые казались ранее непреодолимой преградой.

В другое время Анастасия с большим удовольствием рассматривала бы сад, деревья и кусты которого были тщательно подстрижены по французской моде, и сам дворец, чьи се-

рые крыши и золотые купола гордо возвышались над зеленою парка. Но сейчас в душе царила тревога, и девушка едва замечала путь, которым вел ее провожатый.

Гравий хрустел под ногами, ветер то и дело приносил брызги от многочисленных фонтанов. Взглянув на один из них, Анастасия невольно покраснела: на постаменте, отличный из чугуна, стоял голый бородатый мужик в короне и с трезубцем.

Чресла чугунного мужика скульптор все-таки прикрыл чугунной же тканью, а вот у нескольких статуй из белоснежного мрамора – как мужских, так и женских – срамные места такого прикрытия не имели.

– Сие есть Нептун, покровитель морей и мореходов, – раздался над ухом насмешливый голос преображенца. – Отец государыни нашей, Петр Великий, весьма почитал сего повелителя водной пучины.

Анастасия поняла, что гвардеец смеется над ней, и нарочито вызываяще еще раз взглянула на статую, стараясь не отводить взгляд. Девушка даже остановилась, делая вид, что увлеченно рассматривает фонтан.

– Император Петр желал видеть страну нашу державою морской, – продолжал Григорий, все еще мстительно дразня свою спутницу.

Та кивнула.

– Да, мой отец рассказывал мне о величии императора и его стремлениях, Так что не будем зря тратить время, – те-

перь уже она сама смело подхватила гвардейца под руку, намереваясь идти дальше.

Белов удивленно хмыкнул, но, верный своему слову, повел девушку во дворец.

И если у ворот Григорию удавалось избежать пристального внимания знакомых, прекрасно осведомленных об увлечениях гвардейского офицера, то у стен дворца появление под руку с хорошенькой незнакомкой вызвало оживление и любопытные взгляды. Несколько дам весьма удивленно смотрели на спутницу Григория, картинно приподнимая брови.

Гвардеец сделал вид, что не заметил этого куртуазного любопытства. Зайдя вместе с девушкой во дворец, Белов, держа свою спутницу за руку, умело протолкался среди придворных и, оглядевшись, направился к невысокой полной женщине в зеленом бархатном платье с золотым шитьем.

Напудренный парик украшали бриллиантовые банты-заколки, а у уголка накрашенных карминно-красным цветом губ красовалась черная бархатная мушка в виде сердца. Пышная грудь дамы так и грозила вывалиться из декольте, украшенного тонкими золотистыми кружевами, а талия была сильно затянута корсетом, отчего её обладательница тяжело дышала.

На плече у дамы Настасья заметила бриллиантовую букву «Е» на муаровой синей ленте. Судя по всему, дама входила в свиту её императорского величества. Фрейлина или, что

скорее, статс— дама.

Сердце забилось еще сильнее. Обычаи императорского двора Насте были знакомы лишь по обрывочным рассказам соседей, у кого хватало средств путешествовать в Питерс-бурх, да по нелепым воспоминаниям отца, в основном сводившимся к тому, где он играл и пил. С горечью девушке вдруг подумалось, что она гораздо лучше осведомлена о питейных заведениях, чем о традициях столичной знати.

С волнением и тревогой Настя посмотрела на своего провожатого, который смело и в то же время подчеркнуто почтительно склонился над протянутой белой рукой.

— Белов, Белов, вы опять здесь? Государыня ценит ваше рвение, но ступайте домой, отдохните после дежурства! — почти по-матерински пожурела придворная дама молодого преображенца, смотря на красавца-офицера с особой нежностью.

Из-за корсета она говорила с придыханием, растягивая слова.

— Марфа Симоновна, я у ваших ног с нижайшей просьбой, — Григорий, зная о симпатии, которую наперсница императрицы питала к молодым гвардейцам, а особенно — к нему самому, заговорщицки подмигнул. — Только в ваших силах помочь мне!

Склонившись к самому уху, он оживленно зашептал что-то статс-даме, указывая на окончательно оробевшую Настеньку.

– Какой же вы нахал! – воскликнула Марфа Симоновна, шутиливо ударив его веером по плечу.

Григорий ослепительно улыбнулся и развел руками, словно говоря: «уж какой есть».

Статс-дама тем временем оглядела девушку. От ее взора не укрылись ни старое платье, ни волнение, плескавшееся в серых глазах. Очередная провинциалка, бледная и невзрачная, но раз уж за нее просил сам Белов...

Марфа Симоновна украдкой бросила взгляд на статного гвардейца. Он стоял, возвышаясь над толпой, будто позируя. Не всякому было дано столь много: помимо весьма приметной внешности Григорий Белов обладал еще острым умом и благородным происхождением. Один из немногих, кто с честью прошел инициацию в полку, преображенец теперь заслуженно нес караул у личных покоев императрицы. Правда, был у бравого гвардейца один недостаток: любвеобильность. Кобель Белов был еще тот.

Не далее как третьего дня Марфа Симоновна уже утешала очередную кокотку, лившую слезы о «милом ее сердцу Гришеньке». Поразительно, но при всех своих амурах и огромном количестве разбитых женских сердец, преображенец легко ускользал от уз Гименя.

Последний его длительный роман был с извечной врагинею Марфы Симоновны, этой выскочкой Головиной, в свое время уведшей из-под носа завидного жениха.

Статс-дама усмехнулась, предвкушая ярость этой чванли-

вой дамы при появлении самой Марфы в сопровождении Белова на завтрашнем балу. Одно это стоило помощи преображенцу.

Покусывая губу, Марфа еще раз взглянула на невзрачную девушку. Кольцо-амулет на пальце, сигнализирующее о недобрых намерениях, молчало, и статс-дама решилась.

– Как, говорите, ее имя? – обратилась она к Белову.

Тот замялся.

– Анастасия. Збышева, – девушка правильно истолковала молчание своего провожатого.

Марфа Симоновна нахмурилась. Фамилия показалась знакомой, казалось, она слышала ее недавно, но вот где? Так и не вспомнив, она перевела свой взор на Григория и украдкой вздохнула. Оставалось надеяться, что одним балом все не закончится и Григорий останется в личных покоях статс-дамы испить чашечку кофею, который так хорошо готовила Грунечка... А там...

– Ждите здесь, – Марфа Симоновна скользнула за двери.

Настя с волнением следила за ней, потом перевела взгляд на Белова, стоящего рядом. Но преображенец отвернулся, рассматривая какую-то красавицу, стоящую у окна в окружении подруг, и девушка поостереглась задавать вопросы.

Статс-дама вскоре вернулась, её глаза светились предвкушением.

– Государыня изволит вас принять, – не глядя на просительницу, произнесла статс-дама.

Пораженная скоростью решения ее вопроса, Анастасия беспомощно посмотрела на гвардейца. Он ласково улыбнулся ей и кивнул: иди, мол, я тебя здесь подожду. Набрав в грудь побольше воздуха, девушка поспешила за Марфой Симоновной, которая тем временем наставляла ее в манерах:

– При входе вам надлежит сделать глубокий реверанс и не заговаривать, пока государыня сама не спросит, после чего кратко изложить ей суть дела: у Елисаветы Петровны времени на просителей мало.

Послушно кивая, Анастасия переступила порог комнаты. От волнения ладони вспотели. Девушка не замечала вокруг ни богатого убранства стен, ни роскоши мебели.

Лишь одно притягивало ее взор – красивая женщина, в платье, затканном золотым шитьем, сидевшая у окна. Поняв, что это и есть государыня, Настя попыталась сделать реверанс, но ноги подогнулись, и она буквально упала на колени. Женщина подняла голову и ласково посмотрела на коленопреклонённую девушку:

– Это вы испрашивали аудиенции?

От того, что императрица заговорила с ней, Настя окончательно потерялась, все мысли разбежались, и она могла лишь кивнуть, смотря на государыню своими огромными глазами.

– Признаюсь, вы меня даже заинтриговали, – почти ласково продолжала Елисавета Петровна, которой польстило такое. – Не бойтесь меня, я не кусаюсь! Так что же за срочное дело привело вас?

– Матушка, государыня, – судорожный вздох напоминал всхлип, – прошу вас, помилуйте моего отца, невиновен он!

Императрица удивленно посмотрела на девушку:

– Что?! Какого отца? Как твое имя?

– Збышева я, Платон Збышев – мой отец, – Анастасия покаянно опустила голову, стараясь сдержать так некстати на-
вернувшиеся на глаза слезы.

По красивому лицу пробежала гримаса. Сердито нахмурившись, императрица встала и подошла к Настасье почти вплотную.

– Почему обманом сюда прошла? – теперь голос звучал резко.

– К-каким обманом? – Настя почти оскорбилась и гордо выпрямилась, смотря прямо в голубые круглые глаза государыни. – Я никого не обманывала!

– Марфе моей что наплела?

– Ничего. Я свое имя честно ей назвала, а больше меня никто ни о чем не спрашивал!

Девушка еще хотела что-то добавить, но нервный спазм сжал ей горло. Все отчаяние дней, когда, узнав об аресте отца, Настасья, собрав немудреные накопления, поспешила в столицу с мыслью пасть в ноги к императрице, вновь охватило ее. Отчаяние и страх остаться совсем одной, стать легкой добычей для похотливых соседей, давно имевших виды на плодородные земли Платона Збышева.

С самым отцом отношения не складывались. После смер-

ти матушки Платон Збышев предпочитал проводить сезон в Питерсбурхе. Там он, как правило, кутил, но долгов особых не делал, всегда вовремя возвращался в имение и давал указания, зачастую противоречащие Настиным. Слуги с барином не спорили, молчаливо признавая правоту молодой хозяйки. К тому же Платон Збышев быстро забывал о своих наказах и, получив деньги, уезжал в столицу.

Зачем вдруг отцу понадобилось в Питерсбурх на этот раз, Настя не знала. Сам он не сказал, а она, заполошенная внезапными сборами не спросила. Лишь покорно помогла собраться, да привычно помахала вслед, стоя на любимом холме над рекой.

Весть об аресте пришла через десять дней. Она явилась для Анастасии словно гром среди ясного неба. Привез её все тот же Петр, слуга. Он и посоветовал молодой хозяйке поехать на аудиенцию к императрице, дескать, государыня милостива и над сиротой сжалится.

Насколько Настя знала папеньку, тот никогда в крамоле замечен не был, но в пьяном угаре становился несдержан на язык. Более того, в определенной стадии он становился очень воинственен и мог сказать что-то, что не понравилось бы ни Тайной канцелярии, ни государыне императрице.

Оттого и стояла Настасья теперь на коленях, роняя слезы на платье и не замечая этого. Императрица тем временем в раздражении несколько раз дернула бархатный шнур колокольчика. В комнату тотчас же вбежала знакомая статс-дама,

присев с порога в заученном реверансе.

– Ты что ж это, Марфа Симонова, заговорщикам симпатизируешь! Их дочерей ко мне без спросу водишь? – напустилась на нее государыня.

Фрейлина побледнела и непонимающе захлопала глазами.

– Что ты, матушка, Елисавета Петровна! – залепетала она.

Этого тона совсем недавно надменной дамы хватило, чтобы Настасья пришла в себя. Шмыгнув напоследок носом, девушка решительно посмотрела на императрицу:

– Марфа Симоновна тут совершенно не причем. Она ничего о моем деле не знала. Я... они думали, что я у вас место фрейлины при дворе просить буду.

– Они? – императрица вопросительно посмотрела на статс-даму, – И кто же еще в сией аванюре замешан?

Под понимающим проникновенным взглядом своей государыни Марфа покраснела и прикусила губу.

Настя опустила голову, понимая, что сделала непростительную ошибку. Статс-дама тоже молчала, бросая на виновницу всех ее бед злые взгляды.

– Ладно, – императрица, тяжело вздохнув, встала, подошла к дверям и приоткрыла створку, посматривая в щель на ожидавших ее выхода придворных.

Анастасия напряженно наблюдала за ней. В какой-то момент государыня недоуменно нахмурилась, затем, усмехнувшись, вернулась к окну:

– Так, Марфа, а ну-ка Белова ко мне! А то, что он, как

истукан, посреди залы замер – часа два назад же с дежурства сменился!

– Ваше величество... – попыталась возразить Анастасия, но осеклась под гневным взглядом царственных глаз.

– А ты молчи! – одернула ее дочь Петра Великого. – Со всем срам потеряла! Небось весь двор видел, как он тебя в приемную вел!

Под правдивой тяжестью ее слов Настасья опустила голову, все сомнения, терзавшие девушку у ворот, нахлынули с новой силой. Одна, под руку с молодым гвардейцем! О чем только она думала! Хотя... в том положении, в котором оказалась Настя, что думай, что не думай.

– И с колен поднимись, – чуть мягче добавила императрица, – Этим делу не поможешь.

Девушка послушно встала, расправила платье. Руки все еще дрожали. Это не укрылось от Елисаветы Петровны, и она слегка смягчилась.

– Кроме отца есть у тебя кто из родственников?

Девушка покачала головой.

– Нет.

– А мать?

– Умерла родами.

– Поэтому ты за отца просить хотела?

– И поэтому тоже.

– А еще зачем?

– Земля у нас... – Анастасия вздохнула, и уверенно про-

должила, – Заложена. Неурожай был, зерно купить пришлось... да крестьян кормить. Узнают ростовщики об аресте – как коршуны налетят! Я когда об отсрочке договорилась, на отца ссылалась, сказала, что в Питерсбурх поехал с купцами договора заключать.

– Думаешь, сможешь расплатиться? – искренне заинтересовалась Елисавета Петровна.

Настя вдруг вспомнила, что про государыню сказывали, что она – рачительная хозяйка, и своими землями всегда сама управляла.

– Пшеницы да льна в этом году много уродилось, – с разговором на знакомые темы голос сам окреп. – Вызреет, продадим – тогда точно расплатимся! Еще и на тот год останется!

– А не боишься, что отец все пропьет-проиграет? – императрица с возрастающим интересом смотрела на девушку, – Или в еще бóльшие долги залезет? Что тогда делать станешь?

Настя вздрогнула. Слова императрицы прозвучали в унисон ее собственным, далеко не радостным мыслям, терзавшим девушку в последнее время. Елисавета Петровна все ждала ответа, и девушка пожала плечами:

– Тогда в монастырь уйду!

Государыня с сочувствием взглянула на нее. Некогда нищета и угроза пострига некогда висели и над самой Елисаветой, заставляя вздрагивать по ночам да лить в подушку горькие слезы.

– А чего ж сразу не пошла, а ко мне явиться решила?

– Мне мать Мария так сказала. Петр, слуга мой, когда известия об аресте привез, я к ней за советом обратилась. Думала, сразу на постриг, но она отговорила. Сперва, говорит, попробуй к императрице. Девницей та приветлива и сострадательна была, и сейчас, сказывают, не прошло это в ней. Вот я и поехала.

– А мать Мария кто такая, что так обо мне знает?

– Она в девичестве в Питерсбурхе жила. Из Волынских. Их всех арестовали и в крепость. Кто после следствия выжил, тех сослали... Кого – в Сибирь, кого – в монастырь, вот и ее тоже. Она как раз приехала, когда у меня матушка умерла, обучать взялась... – терять было нечего, и Настасья говорила, уже не таясь.

– Тяжелое тогда было время... Анна, тетка моя, императрицей боярами объявленная супротив воли отца моего, много зла людям принесла, – императрица вздохнула своим воспоминаниям.

И хотела еще что-то добавить, но на пороге комнаты возник Белов, сделав шаг вперед, как положено по уставу, щелкнул каблуками и замер под пристальным взглядом государыни. Из-за его спины встревоженно выглядывала Марфа Симоновна.

– Ну что, Белов, – императрица села за стол темного дерева с золотой резьбой по бокам, и задумчиво посмотрела на ладного гвардейца, – Вижу, позабыл ты слова присяги?

– Никак нет, ваше величество! – гвардеец вытянулся в струнку.

– Как же нет, коли заговорщиков ко мне проводишь, обходя караулы!

– Никак нет! Не вожу.

– Нахал ты, Григорий Петрович! Форменный нахал! – фыркнула Елисавета, кивая на Настю. – А вот эта девица? Знаешь, чья она дочь?

– Никак нет, Ваше Императорское Величество! – от громкого голоса императрица поморщилась.

– Вот ведь луженая глотка, – вдруг пожаловалась она Анастасии. – Их будто по голосу отбирают!

– Никак нет, по росту и происхождению, – отрапортовал Белов, и чуть мягче добавил, – а также по заслугам.

Елисавета Петровна улыбнулась:

– Помню, помню, Белов твои заслуги перед Отечеством, молодец! А здесь-то что сплеховал?

– Никак нет, не сплеховал!

– Как же не сплеховал, коли вон, девицу привел. Знаешь, что отец ее в крепости Святых Апостолов заключен вместе с другими заговорщиками?

– Никак нет, не знал! Но... – гвардеец осекся и внимательно посмотрел на императрицу, отметил едва заметные ямочки на щеках, выдававшие, что в душе государыня уже наслаждается неожиданным представлением, – но и бросить девушку одну без помощи не мог. Не по чести это.

– По чести... эвона как запел! – гроза, судя по всему, прошла, и теперь императрицей двигало любопытство и желание поразвлечься.

Белов это понял и покорно опустил голову.

– Каюсь, матушка императрица, виноват... надобно было сперва цель визита спросить...

– А ежели б цель вызнал, то не привел бы? – Елисавета Петровна весело смотрела на гвардейца, тот улыбнулся в ответ, блеснув белоснежными зубами.

– Может, и привел бы. Только время бы другое выбрал.

– Ох, Белов, Белов, – покачала головой государыня, – погубят тебя женщины! Только на той неделе тебя с женой французского посла видели, а до этого – Головина... Трубецкая, помнится, тоже была... Теперь вот дочери заговорщика Платона Збышева помочь решил.

– Так не сама ж девица в заговоре участвовала? – нахально возразил преображенец. – За отца нести ответственности не может. А набраться смелости тебе, государыня наша, в ноги кинуться, не всякая дочь сподобится!

– И то, правда твоя, – императрица задумчиво постучала пальцами по подлокотнику. – Да, права твоя матушка, жениться тебе надобно! Жена быстро бы отучила тебя незнакомых девиц под белу рученьку во дворец водить!

Григорий лишь тяжело вздохнул, вспоминая последний приезд в отчий дом под Петербурхом и разговоры о необходимости его женитьбы, закончившиеся бурной ссорой с ро-

дителями.

Отец тогда в сердцах успел сына пару раз нагайкой вытянуть по спине. После чего Гришка лихо прыгнул в распахнутое окно, обернулся волком и убежал в родные казармы. А за конем уже своего денщика прислал.

– Да, жена тебе нужна решительная... – продолжила императрица бросила взгляд на Настю, нахмурилась, размышляя над чем-то. Затем голубые глаза насмешливо сверкнули, будто государыня измыслила знатную шутку. – Что ж, Белов, раз уж тебе девица глянулась, что сломя голову помогать ей начал, гнева моего не испугался, так тому и быть. Женишься на ней, заодно и за ум возьмешься.

После этих слов в комнате воцарилась тишина. Григорий открыл было рот, чтобы возразить, но натолкнулся на насмешливый взгляд императрицы и понял, что на этот раз пощады не будет. Лицо гвардейца словно окаменело, он вытянулся во весь рост и вновь щелкнул каблуками:

– Как прикажете, Ваше Императорское Величество! Разрешите идти?

– Ступай, ступай, подожди свою невесту в зале. Марфа, ты тоже иди. И скажи фрейлинам, пусть чай мне подадут!

– Матушка императрица, я и сама могу! – всполошилась та.

– Ты уж все, что смогла, сделала! Ступай!

Статс-дама сделала глубокий реверанс и, бросив на прощание убийственный взгляд на Анастасию, считая именно

эту невзрачную девицу виновницей всех своих бед, вышла. Девушка вновь осталась с императрицей наедине. Елисавета Петровна села за стол и поманила ее пальцем.

– Пойди сюда, – она начала писать что-то на бумаге. – Отца твоего полностью простить не могу: даже если и невиновен, не с теми людьми он пьяные речи водил. Ежели б не ты, в Сибирь бы сослала. Так до свадьбы твоей пушай в крепости посидит, а потом в имение свое едет и носа в Питерсбурх не показывает. Ты же покамест фрейлиной моей походишь: и на виду будешь, и приданое тебе отпишу хорошее – не нищенкой в семью мужа придешь. Беловы гордецы еще те! А Гриша к тому же и единственный сын, с детства избалован. Вот невестами и перебирает! Сколько Петр Григорьевич его засватать пытался. Все мимо!

– Так, может, и мне не стоит... – криво улыбнулась Настя.

– Стоит, – Елисавета Петровна задумчиво взглянула на свою белоснежную руку, унизанную кольцами. Показалось, или одно из них тускло блеснуло. – Ты ему правильной женой будешь... А Марфы моей теперь берегись – она на Белова давно глаз положила, да ни он для нее, ни она для него... Там у двери шнурок висит, дерни три раза.

Понимая, что возражения бессмысленны, Настя исполнила приказ. Тут же другая дверь в комнату отворилась, и на пороге возникла еще одна дама в голубом платье.

– Лизетта, душечка, – ласково обратилась к тезке императрица, – скажи князю Черкасову, чтоб дал указ девицу сию,

Анастасию Збышеву, мне во фрейлины зачислить да выдать ей жалование на месяц вперед – пусть туалеты свои в порядок приведет согласно уставу. И проводи ее в комнаты фрейлинские, пусть отдохнет с дороги. Завтра ей все расскажешь, а третьего дня пусть на службу выходит. Все, ступайте с Богом.

Фрейлина сделала реверанс и ласково посмотрела на Анастасию, все еще стоявшую у стены.

– Пойдемте, милая, у государыни много дел!

Девушка подчинилась. Не помня себя, она медленно шла за Лизеттой сквозь анфиладу пестрых комнат. Затянутые шелком стены и позолота расплывались перед глазами, сливаясь в какой-то причудливый узор.

– По. до. ждите... – выдохнула Настя, прислоняясь к стене у окна, ноги не держали ее. Голова кружилась. Корсет немилосердно сдавливал ребра, мешая вздохнуть.

– Что? – фрейлина обернулась. – Вы так бледны! Что с вами?

Голос доносился будто в густом тумане. Анастасия скорее поняла, чем ощутила, что Лизетта обняла её за плечи.

– Пойдемте во фрейлинскую!

Девушка послушно сделала несколько шагов, ноги подкосились, и она упала в обморок.

Глава 2

Григорий вылетел из покоев императрицы в ярости. Ослепленный злобой, он устремился прочь из дворца, опасаясь, что не сможет сдержаться. В голове стучала лишь одна мысль: «Дурак, какой же я дурак!» Волк в душе яростно рычал и жаждал крови.

Особо злиться, кроме самого себя, было не на кого, и это распаляло еще больше. Так глупо попасться, и ведь была бы девка красивая, так нет! Только и есть, что глаза огромные и серые, точно небо в Питерсбурхе.

Преображенец задрал голову, зло смотря на тучи, вот-вот грозившие пролиться очередным дождем.

– Вот только этого не хватало, – прошипел он, словно эти слова могли что-то изменить.

Чувствуя, что задыхается, Григорий рванул белый офицерский галстук и зашагал к казармам. Небольшие деревянные домики, крашенные в желтый цвет, стояли так, чтобы не мозолить глаза императрице, но в то же время достаточно близко ко дворцу. Между ними располагался плац для экзерсисов и маршей, сейчас занятый солдатами, отдохавшими после дежурства.

– Белов! Что-то ты припозднился с караула... – начал было поручик Бурнов, выходящий из домика, но глядя на перекосенное от гнева лицо приятеля, молча посторонился,

давая дорогу.

Григорий не оценил жеста, промчался мимо, громко подзывая своего денщика. Рябой парень, в военной форме, сидевшей на нем, как на корове седло, выскочил из солдатской палатки, на ходу дожевывая кусок хлеба.

– Тут я, барин!

– Тут! – передразнил его гвардеец, – Вечно тебя не дозваться! Седлай коня!

Видя настроение хозяина, денщик рванул со всех ног, но все равно Белову показалось, что медленно. В раздражении он выдрал из рук слуги седло и лично затянул подпруги, обещая по возвращении выпороть нерадивого денщика. На ходу вскочил на коня и помчался, куда глаза глядят.

– Ну, слава тебе, Господи, – перекрестился денщик. – Так бы точно выпорол, а так вернется, глядишь, уже и в хорошем настроении. Интересно все-таки, что ж у Григория Петровича стряслось?

С этими мыслями Василий направился к казармам, гадая, стоит ли ему вечером показываться на глаза своему барину.

После часовой бешеной скачки по лесу Белов слегка пришел в себя, гнев его поутих, и он с прискорбием вынужден был признать, что во всем случившемся есть и его вина. Волк внутри обиженно молчал, почему-то не разделяя мысли своего хозяина. Ему девица нравилась.

Первым порывом было гнать коня назад, чтобы упасть в ноги императрице и смиренно просить отменить решение,

так меняющее его судьбу, но по здоровом размышлении, он понял, что сие лишь еще более позабавит Елисавету Петровну, а то и приведет в неминуемое раздражение.

Можно, конечно, было попытаться обратиться к Рассумовскому, но вряд ли бывший певчий, а ныне царственный фаворит и «ночной император», войдет в положение потомственного дворянина, чьи предки заседали в боярской думе еще во времена первой Московии. Так и не придумав ничего дельного, Белов обнаружил, что конь привез его к даче его старшей сестры Софьи, в замужестве Горбуновой.

В отличие от непокорного младшего брата, Софья беспрекословно вышла замуж в четырнадцать лет за того, кого выбрали ей родители – Михаила Горбунова. С того времени она родила ему девять детей, из которых трое умерли во младенчестве, и пережила несколько адюльтеров мужа. С видимым спокойствием Софья Петровна выносила моменты, когда муж в порыве страсти к очередной девице грозил упрятать жену в монастырь. В конце концов супруги разъехались.

Горбунов жил своим домом в Питерсбурхе с молодой любовницей, а сама Софья, как и императрица, предпочитала проводить лето в окрестностях Питерсхоффа, для чего и принудила мужа выстроить дом на холме. Вернее, дом был одним из условий, выставленных Григорием своему зятю после долгого, ох, какого долгого разговора.

Подъехав к крыльцу, Белов кликнул конюшего, отдал поводья, строго наказав хорошенько отшагать и растереть ко-

ня, и, поднявшись по ступеням меж двух каменных львов, постучал во входную дверь. Резные, украшенные перламутром створки мгновенно распахнулась, и Семен, домовый лакей, одетый в ливрею, расплылся в щербатой улыбке:

– Григорий Петрович, добро пожаловать! Софья Петровна в малой гостиной отдыхать изволят!

– Хорошо, – Белов вручил лакею треуголку и перчатки, привычно одернул мундир, расправляя по фигуре. – Не докладывай, сам войду!

Софья Петровна полулежала на новой козетке из голубого шелка, не далее как неделю назад доставленной из Франкии. Старшая из ее дочерей, приятная девочка десяти лет, обещавшая вырасти достаточно миловидной, чтобы составить хорошую партию, сидела в соседнем кресле, держа в руках книгу.

Чтение не слишком увлекало, но девочка старательно всматривалась в строки, беззвучно, чтобы не потревожить матушку, проговаривая каждое слово. Младших видно не было – скорее всего, няня увела их на прогулку, пока не начался дождь.

Войдя, Григорий остановился в дверях и с нежностью посмотрел на сестру. Замужество, не слишком мирный брак и многочисленные роды оставили свой след на ее лице и фигуре. Софья выглядела гораздо старше, чем императрица и ее фрейлины. Морщины избородили ее лицо, смерти детей добавили скорбную складку на лбу.

Пополневшая и раздобревшая старшая сестра тем не менее была по-домашнему уютной и напоминала Гришеньке то время, когда он, расшибив коленку или напроказничав и получив от отца на орехи, бежал к милой Софьюшке за утешением.

Почувствовав присутствие в комнате постороннего, девочка оторвалась от книги, при виде Григория, глаза племянницы весело блеснули. Гвардеец приложил палец ко рту, призывая к тишине, и стал за козеткой, заслоняя собой свет из окна.

– Алекс, не балуй! – недовольно молвила Софья, открывая глаза, тут же лицо ее просветлело, она живо вскочила и тепло обняла брата. – Гришенька, братец, какими судьбами.

Своими яркими голубыми глазами она пристально посмотрела на брата. От нее не укрылось ни хмурое лицо, ни настороженный блеск волчьих глаз.

– Что у тебя стряслось?

– Да так, некоторые неприятности на службе, – уклончиво ответил тот, все еще не решив, стоит ли рассказывать сестре о западне, в которую угодил.

Софья понимающе кивнула, тотчас же вызвала слуг и распорядилась накрывать в столовой на стол, а так же поставить для братца графинчик водки. Григорий лишь хмыкнул, но отказываться от обеда не стал. Сестра свято верила, что на сытый желудок неприятности кажутся не столь значительными.

Еда у Софьи была исконно русской: наваристый борщ, пирожки с потрошками, да чай с сушеными ягодами, коего она всегда пила много. Во время обеда прибежали дети, с шумом окружив дядю, теребя его и пытаясь расспросить каждый о своем. Григорий миролюбиво отвечал, но голова была занята абсолютно другим, и сестра, заметив это, отослала детей к няне. После их ухода в столовой повисла тишина.

– Говорят, у тебя был новый адюльтер? – прервала Софья затянувшееся молчание.

– Был, – сухо ответил Григорий и потянулся за вареньем, которое так отменно готовилось в доме сестры.

– И что?

– А ничего, – под укоризненным взглядом хозяйки дома Белов облизнул пальцы.

– А как же Головина?

– О, и ты уже знаешь?

– Да об этом весь Питерсхофф гудел! – воскликнула Софья и невольно подалась вперед. – Гриша, правда, что, когда ты Головину оставил, её сама императрица утешала?

– Врут, – Григорий откусил большой кусок пирога с малиной и яростно задвигал челюстями, – фрейлины ее утешали и Марфа.

– А что государыня? Долго сердилась? – Софья тоже положила себе в блюдо варенье.

– На Головину? Нет, простила.

– А тебя? – допытывалась сестра.

Белов откинулся на спинку стула и устало потер лоб.

– А меня она женить хочет...

От неожиданности сестра выронила ложку и недоверчиво посмотрела на брата.

– Гриша...

– Да, ты не ослышалась! – Белов уже не скрывал насмешки в голосе, – Наша милая матушка изволила в последнем своем визите при дворе в разговоре с государыней высказать опасения, что я никогда не женюсь, и Елисавета Петровна решила выступить свахой.

– И кого же тебе сватают?

– Некую девицу Анастасию Збышеву. Ныне фрейлину ее императорского величества. Можешь даже не вспоминать, ты ее ранее никогда не встречала.

Софья встала и в волнении зашагала по комнате:

– Но почему именно она?

Белов тяжело вздохнул, собираясь с духом, и начал пересказ событий сегодняшнего дня. После его рассказа сестра потрясенно молчала, с ужасом смотря на брата.

– Гринечка... – наконец прошептала она, невольно называя его, как в детстве, – Но как же... что скажет папенька?

Белов обреченно махнул рукой. Гнева отца он не страшился, гораздо больше его беспокоило объяснение с матерью, которая будет заливаться слезами и по-бабьи заунывно причитать над судьбой любимого сына, будто отправляет его на казнь.

Впрочем, в данном случае его женитьба была сродни каторге или воинской повинности, которую обычно несли крестьяне. Только лямку ему придется тянуть всю жизнь, если не сподобится отправить неугодную жену в монастырь. Но, памятуя все переживания и слезы Софьи по этому поводу, Григорий сомневался, что у него хватит духу на подобный шаг. Он взглянул на сестру, та выглядела настолько несчастной, и преображенец уже пожалел, что по привычке рассказывал ей все.

– А что папенька? – произнес Григорий, хорохорясь, – Ну, вытянет по старой памяти нагайкой по хребту, как в прошлый раз, делов-то!

Софья усмехнулась, заметив, как брат украдкой передернул плечами: весть о последнем визите в «родные пенаты» и бегстве Гринечки через окно разнеслась по всем домочадцам. Затем сестра снова погрузилась.

– А коли откажет тебе в наследстве?

Григорий фыркнул. Наследство волновало его меньше всего.

– Откажет, так не беда! Он мне денег и так не дает, с тех пор как я... – он махнул рукой. – Служба у меня есть, жалование исправно платят, чай не пропаду!

– Господи, срам-то какой... Ведь весть Питерсбурх смеяться будет!

– Да уж, – преображенец поднялся и в задумчивости подошел к окну. Там как раз пошел дождь, дробно стуча по стек-

лам, поставленным мелким переплетом – на голландский манер.

Где-то за деревьями катил свои свинцово-серые воды Суомский залив. Григорий с тоской посмотрел на мокрые поля, по которым ему придется возвращаться обратно в казармы. Унылое серое небо и мелкая морось дождя, буквально висевшая в воздухе, как никогда соответствовали настроению гвардейца.

Вся жизнь казалась мрачной и бесцельной. Особенно Белова потрясло предательство обожаемой им со всем пылом юности императрицы Елизаветы Петровны, коей он со своими товарищами два года назад помог вернуть престол, принадлежащий ей по праву, освобождая тем самым Россию-матушку от засилья пруссаков и временщиков.

Как сейчас Григорий помнил ту промозглую ноябрьскую ночь, слова Елисаветы: «Со мной ли вы, мои волки?» и эйфорию, когда они ворвались во дворец регентши незаконной, верша тем самым справедливость и исполняя истинное завещание Петра Великого.

До той поры преображенцы всегда были на особом счету у Елисаветы Петровны: с ними она справляла все праздники, их детей она крестила, на их свадьбах она гуляла. Она даже лично варила им щи на праздники, что вызвало неудовольствие посланника франков, надменного маркиза Ле Шертредди.

– Mon Dieu! Вы же им не мать и не жена! – восклицал

надменный посол. Елисавета лишь смеялась в ответ.

– Мой дорогой маркиз, вам никогда не понять русских!

Как и все друзья в полку, Белов, вступив в полк, по первости был влюблен в красавицу-цесаревну. Приятная, обходительная, воспитанная учителями-европейцами она разительно отличалась от безмолвных тихих невест, которые постоянно сватали ему родители. Григорий даже желал вызвать на дуэль Алексея Рассумовского и только настойчивость друзей удержала юного гвардейца от столь опрометчивого поступка.

Лишь опосля года службы Григорий понял, что влюбленность в покровительницу полка была одним из последствий инициации, превратившей его в оборотня. Некогда колдун Сухаревской башни Яков Брюс изобрел обряд, позволявший людям преображаться в волков, но при этом не терять свой разум. Царь Петр сию затею одобрил и учредил полк преображенский, офицеры которого проходили инициацию и становились самыми верными защитниками царской семьи.

Именно это помогло свершить переворот и возвести на престол законную наследницу царского рода.

После, обласканный Елисаветой, как и остальные друзья по полку, Григорий к неудовольствию отца закружился в радостном вихре дворцовых ассамблей, балов и машкерадов, на кои так была щедра придворная жизнь.

Молодость и знатность делали свое дело, дамы при дворе сами искали его внимания. Белов уже и не помышлял о женитьбе, и вот императрица сыграла с ним злую шутку.

С досады он стукнул кулаком по подоконнику. Софья подошла и успокаивающе положила руки брату на плечи.

– Ну, будет тебе, Гринечка, глядишь, все и сладится... как там говорят, стерпится-слюбится... – в голосе женщины слышалась тоска.

Григорий грустно улыбнулся, обнимая Софью. Молча стояли они, как когда-то в детстве, только если раньше Гриша вжимался в мягкую пышную грудь, то теперь макушка сестры едва доставала ему до плеча.

Почему-то вспомнилось, что сегодня вот так же в объятиях Белова стояла и другая, ставшая теперь по царской прихоти его невестой, только та была еще меньше и совсем хрупкой... При воспоминаниях о девушке волк внутри заскулил и вильнул хвостом.

– Спасибо тебе, Софьюшка, – вдруг сказал Григорий.

Женщина подняла голову и посмотрела на него своими печальными глазами:

– Спасибо-то за что?

– Приютила, покормила, утешила... будто у тебя своих проблем мало!

– Гриша, Гриша, – тяжело вздохнула его сестра и внезапно спросила, – А какая она?

– Кто?

– Девица эта, – Софья избегала называть ее невестой.

Григорий пожал плечами:

– Обыкновенная. Я и не разглядел особо.

– Но к императрице через караулы повел? – сестра лукаво взглянула на преображенца.

– Глаза у нее красивые, – отмахнулся тот.

– И всего-то? После всех твоих отказов от самых родовитых невест? Глаза? Красавицей бы была, хоть на любовь внезапную сослаться можно было бы, а так... – Софья вздохнула. – Ох, срам-то какой...

Белов опустил голову, признавая правоту слов сестры. Была бы любовь... все можно было списать именно на нее, а так... Хотя... Гриша вдруг улыбнулся своей самой бесшабашной улыбкой.

– А вот сраму-то, Софья Петровна, и не будет! Но мне нужна твоя помощь! – и он изложил сестре свой план.

Она недоверчиво всматривалась в лицо такого любимого младшего брата. Почувствовав, что сестра колеблется, Григорий умоляюще посмотрел на нее и заканючил, как в далеком детстве:

– Сестрица, молю тебя, помоги!

Вспомнив, как братец всегда защищал ее перед мужем, Софья поневоле улыбнулась, хотя в ее глазах все еще плескалась грусть:

– Ладно, пусть по-твоему будет.

– Спасибо, уважила! – преображенец подхватил сестру и покружил в объятиях по комнате, затем поставил на пол, быстро чмокнул в щеку, – Мне пора!

– Подожди хоть, может дождь закончится!

– В Питерсбурхе? – брат лукаво посмотрел на Софью, – Вряд ли. Крестника моего от меня поцелуй! Пусть волком растет!

– Будет с нас в семье и одного волка, – пробурчала та.

Как и вся семья, Софья не одобряла поступок Гриши. Служить России можно было и в Семеновском полку, не проходя обращение в зверя. Вон, Долгорукие так и делали.

Но единственный сын Петра Белова, родившийся после шести сестер долгожданный наследник, Гриша всегда умел настоять на своем. Вот только с женитьбой он оплошал. Или девка оказалась ловчее предыдущих.

– Будет тебе! – в приподнятом настроении Белов вышел из столовой, громко требуя своего коня.

Софья перекрестила его вслед, а потом долго смотрела в окно, пока всадник в зеленом мундире не скрылся за кромкой леса. После, тяжело вздохнув, женщина решительно кликнула слуг: следовало хорошо подготовиться к поездке к государыне.

Глава 3

Белов медленно въезжал в Петергоф, давая коню больше прошагать, перед тем как поставить его в конюшню. Конечно, можно было поручить это денщику, но Григорию надо было тщательно продумать свой план.

Слова сестры подсказали ему, как избежать насмешек врагов. Надо лишь просить государыню не рассказывать о злой шутке, и самому притвориться влюбленным. Тогда большого позора не будет. Ну посудачат, что Гришка Белов – дурак, а девка оказалась слишком ловкой, да забудут. А там как кривая вывезет. В конце концов, отправит жену в имение, да вернется к прежней жизни.

Преображенец все еще был занят обдумыванием своего плана, когда у постоянного двора «Красный кабачок» его окликнули знакомцы. Два поручика квартировавшего по соседству семеновского полка, предлагали выпить с ними чарку-другую. Белов отказался, с сожалением кинув взгляд на вытянутый сруб, откуда гремела незамысловатая музыка и раздавались веселые крики.

Его внимание привлекли солдаты, пальцами показывавшие на одно из окон второго этажа – предприимчивый хозяин недавно его достроил, сдавая комнаты в основном почасово тем из постояльцев, кто хотел поразвлечься с хорошенькими подавальщицами да судомойками.

Сейчас из окна доносился шум. Гвардеец подъехал ближе к зевакам и с любопытством поинтересовался, что происходит. Ему охотно объяснили, что со вчерашнего утра эту комнату занял мужик, по пачпорту крепостной некого помещика Збышева, отправленный на заработки. Мужик привез с собой девку, писаную красавицу, которую представлял, как племянницу.

За комнату постояльцы заплатили и сидели достаточно тихо. К несчастью, один из офицеров семеновского полка заметил девицу, которая сидела у окна, и теперь пытался прорваться к ней.

Мужик, даром что крепостной, успел закрыться в комнате, придвинуть к двери мебель, и таперича отказывается уважить господина офицера, который вот уже полчаса изволят вышибать дверь собственным телом. Белов усмехнулся, и собрался было пожелать удачи всем участникам и зрителям, когда вдруг остановился:

– Как, говорите, фамилия помещика?

– Збышев.

Преображенец тяжело вздохнул и подозвал конюшего.

– Держи, отшагивай и глаз с него не спускай, – он сунул повод в руки молодого парня, чье лицо ему было смутно знакомо по прежним посещениям сего увеселительного заведения, – Да не зевай, а то по уху получишь!

Оставив сие напутствие, Григорий резво вбежал по ступеням, отмахиваясь от сыпавшихся отовсюду приветствий:

в кабаке Белова многие знали и любили. Поднявшись на второй этаж, преображенец легко протолкался среди зевак, бесцеремонно расчищая себе путь локтями. Отстранил корчмара, причитающего по поводу ущерба, и спокойно положил руку на плечо офицеру семеновского полка, собиравшемуся очередной раз плечом выбить с разбегу дубовую дверь.

– Михайлов, ты что это? – почти ласково спросил Григорий.

– Белов! Гришка! – язык сослуживца заплетался. Судя по запаху, семеновец не выходил из кабака уже сутки, – П-п-пмоги дверь отвереть! Заперлась, курррва!

– Кто заперся?

– Девка! Крсива! Во, – Михайлов очень образно показал руками главные достоинства жертвы, – Хочешь? И тебе достанется, токмо опосля меня!

Он глупо захихикал, грозя пальцем одному из Беловых, поскольку в его глазах давний приятель почему-то был в трех экземплярах.

– Уж не Збышевская ли девка? – будто ненароком поинтересовался Григорий.

– Она сам-м-мая! – Михайлов с подозрением посмотрел на приятеля, – А ты отт-куда знаешь?

Белов картинно развел руками:

– Увы, я вынужден тебя огорчить: я не только знаю, чьи это люди, но и вынужден оказать им протекцию, поскольку боюсь, что Анастасии Платоновне Збышевой, вчера полу-

чившей при дворе должность фрейлины её величества Елисаветы Петровны, не понравится та вольность, с какой ты пытаешься обойтись с её дворовыми.

При упоминании о государыне Михайлов слегка протрезвел и с сожалением посмотрел на заветную дверь. Григорий перехватил его взгляд:

– Впрочем, друг мой, я готов компенсировать это небольшое огорчение. Саверьич, налей моему другу Михайлову и его веселой компании, пусть выпьют за мое здоровье!

Гуляки согласно зашумели, лицо Михайлова просветлело, хозяин кабака засиял, будто серебряный рубль, который кинул ему Белов, и поспешил порадовать буйную компанию. Преображенец чуть выждал, пока внизу вновь не начались пьяные крики, и спокойно постучал в дверь.

– Кто там? – судя по голосу, мужик был нестарый.

– Я от хозяйки вашей, Анастасии Платоновны.

Дверь приоткрылась, сквозь щель на гвардейца изучающе посмотрели два темных глаза.

– А не врешь?

– Не веришь – уйду, а ты уж сам девку свою защищай. Только солдат здесь много, долго не продержишься.

Мужик заколебался, затем дверь окончательно распахнулась:

– Заходите, барин!

Белов шагнул внутрь. Из-за закрытых ставень в комнатенке было почти темно, впрочем, Григорий неоднократно бы-

вал в номерах, поэтому знал, что где находится и без света.

На единственной кровати сидела испуганно всхлипывающая девушка в драной одежде. Судя по всему, девка все-таки спускалась в зал, где ее и заприметил Михайлов. Невысокий бородатый мужик стоял у двери, все еще сжимая в руках дубину.

– Тебя звать как? – Григорий внимательно посмотрел на мужика, прикидывая, чего следует ожидать.

Образцовый офицер Белов привык иметь дело с различными солдатами. Мужик ему понравился. Спокойный, хозяйственный. Именно такими, как правило, и бывают доверенные слуги. У Гришиного батюшки, Петра Григорьевича Белова, тоже такие были.

– Петром меня кличут, – мужик тоже изучал неожиданного покровителя.

– Хорошее имя, царское.

– Апостольное оно, барин, – тут же поправил мужик.

Григорий усмехнулся.

– Апостольное, так и ладно. Дубину брось, – приказал он. – И собирайтесь!

– Куда это? – Петр подозрительно с прищуром посмотрел на гвардейца.

– К хозяйке отведу. Здесь вам не стоит оставаться.

– К Анастасии Платоновне? – оживилась девушка, с надеждой смотря на статного гвардейца.

Её голубые глаза радостно засияли. Григорий отметил,

что девка действительно статная и красивая: пшеничная коса толщиной в руку, пухлые алые губы, румянец во всю щеку. В подрванной рубаше мелькнула грудь. Полная, округлая, увенчанная темным соском...

— А что, другие есть? — огрызнулся Белов, злясь тому, что плоть моментально отреагировала на красавицу. Да будь навязанная императрицей невеста хотя бы вполовину так красива, как ее крепостная, все сложилось бы гораздо проще, — Пошевеливайтесь, я ждать не буду!

Странно, но при воспоминаниях о худенькой сероглазой девушке, так внезапно свалившейся на преображенца, жар плоти прошел, а зверь, напротив, оживился и вопросительно твякнул. Григорий недоуменно нахмурился.

— Сейчас, барин, мы мигом! — засуетился мужик, ошибочно решив, что Белов недоволен их расспросами. — Глашка, ну-ка встала! Платок возьми, прикроешься!

— Да пусть переоденется, чего в драном-то идти? — пожал плечами Григорий, опускаясь на сундук. — Вещей у вас много?

— Токмо вон, короб хозяйский, на котором сидеть изволили, да Глашкина котомка!

— А ты без вещей, значит?

— Сменная рубаша есть, мне и довольно! — отмахнулся мужик.

— Ехать есть на чем? Или пешком пришли?

— Возок наш за конюшней стоит. И лошадка гнѣдая.

– Запрягай!

Мужик с сомнением покосился на незнакомца в военном мундире. Он давно уже в подробностях разглядел и волчьи глаза, и знаменитый мундир преображенца, как везде кликали оборотней. Потом перевел взгляд на Глашу, уже успевшую накинуть шаль на плечи и теперь смущенно теребившую косу. Белов, совершенно правильно истолковав сомнения мужика, усмехнулся:

– Да ты не думай, не позарюсь. Слово волка даю. Запряжешь, подойди к корчмарю, скажешь, Григорий Белов приказал помочь сундук спустить. Как погрузишься, то мы с дочерью твоей и выйдем, чтоб лишнего внимания не привлекать.

– Племянница она мне, – буркнул мужик.

– Да хоть черт-в-ступе! – раздраженно бросил Григорий и тут же перекрестился. – Прости, Господи! Шевелись!

Мужик стремглав выскочил прочь, видимо, боясь спугнуть такую удачу в лице незнакомого барина. Глаша растерянно молчала, смотря в пол. Белов задумчиво выстукивал пальцами по крышке сундука полковой походный марш.

Наконец послышались торопливые шаги, Петр вернулся в комнату в сопровождении одного из работников кабака. Рыжеволосый парень с интересом взглянул на девуку, но вовремя заметил волчий недовольный взгляд и схватился за ручку сундука.

Григорий встал и вышел, девушка последовала за ним,

стараясь держаться как можно ближе к своему спасителю.

Во дворе Белов вскочил на тотчас же приведенного ему коня, кинул мальчишке-конюху медную монету и, не оглядываясь, поехал по дороге к Верхнему парку. Скрип колес известил его, что мужик направил возок следом.

Глава 4

Настя очнулась от резкого противного запаха. Первое, что она увидела, когда открыла глаза, было дымящееся перо прямо перед носом. Им размахивала симпатичная девушка в голубом платье. Анастасия вспомнила её имя – Лизетта, фрейлина императрицы.

– Ну, наконец-то! – Воскликнула Лизетта, убирая перо. – Вы так меня напугали!

– Простите, – прошептала девушка, растерянно оглядываясь по сторонам.

Она сидела в небольшой комнате, стены которой были затянуты изумрудно-зеленым шелком с затканными кремовыми и голубыми розами. Белые двери были богато украшены позолоченной резьбой, а на стенах висели портреты государей: Петра Великого и ныне царствующей Елисаветы.

Еще две девушки в почти одинаковых голубых платьях сидели напротив и с сочувствием смотрели на новенькую. У каждой на плече был приколот шифр из бриллиантов и жемчуга, означавший, что фрейлины государыни сейчас при исполнении своих обязанностей.

Под этими взглядами Анастасия окончательно смутилась и хотела встать, но Лизетта удержала её.

– Вы все еще бледны. Посидите здесь.

– Но... я же помешаю вам! – возразила Настя.

– Пустое! Мы все равно должны сидеть здесь, пока нас не позовут, – махнула рукой одна из фрейлин, – Я – Катерина, а это, – она кивнула на свою подругу, – Анна.

– Настя... Анастасия, то есть...

– Вот и знакомы будем! – радостно провозгласила Лизетта.

В ответ Настя слабо улыбнулась.

Она недолго пробыла во фрейлинской. Как только ее новые подруги убедились, что новенькая пришла в себя, а также, что она не намерена рассказывать, что приключилось на аудиенции у государыни, они потеряли к ней всякий интерес.

Исполняя указание, Лизетта сначала проводила Настю к князю Черкасову и передала наказ императрицы. Тот окинул девушку безразличным взглядом, коротко начертил на листе резолюцию, присыпал песком и отдал вместе с небольшим кошельком, полным монет.

– Жалование за два месяца, – недовольно пояснил князь, заметив вопросительный взгляд новой фрейлины.

– Спасибо.

– Ступайте! Ваши обязанности вам объяснят, – и он вновь занялся бумагами.

– «Вам все объяснят», – передразнила его Лизетта, когда девушки вышли из кабинета. – Жаба он! Самая натуральная! Катке вчера денег в счет жалования не дал!

– А зачем ей деньги? – поинтересовалась Настя, сжимая

в руках достаточно увесистый кошель.

– Она на балу в карты перстень проиграла. Хотела выкупить, а Черкасов денег не дал! – Лизетта вздохнула, – ладно, ты в голову не бери, у Катьки полюбовник щедрый, он перстень выкупил и ей обратно отдал. Правда приказал не играть более, а то побьет!

Настя лишь покачала головой. Нравы императорского двора действительно пугали.

– Лиз, а Лиз, – набралась смелости девушка.

– Чего?

– А у тебя полюбовник есть? – она почти выпалила это и слегка зарделась.

Фрейлина рассмеялась, заметив смущение новенькой.

– Нет, конечно, государыня это ой как не одобряет. Только Катьке-то все равно, за ней приданное большое! Из Долгоруких она. Тех, кто не в опале был.

– Понятно, – выдохнула Настя.

Лизетта хитро посмотрела на нее.

– А ты что, уже кого заприметила?

– Кого?

– Полюбовника.

– Нет, – искренне ужаснулась девушка.

Ее собеседница чуть помедлила, а потом хитро спросила:

– А правду говорят, что тебя Белов под руку к императрице ввел?

– Он... он просто мне помог, – Настя все еще стыдилась

своего опрометчивого поступка и боялась рассказывать о приказе государыни.

– Ой, врешь! Гриша Белов просто так девушку под руку водить не будет! Берегись, сердцеед он знатный!

Настя лишь вздохнула и напомнила, что им надо пойти к белошвейкам. Фрейлина согласно закивала и провела в небольшое деревянное здание неподалеку от дворца.

Надзиравшая за белошвейками женщина сначала запротестовала, но Лизетта сослалась на приказ государыни, и с Настасьи сразу сняли мерки, обещая сшить положенные по циркуляру о рангах фрейлинские платья. После чего Лизавета провела девушку к деревянным домикам, располагавшимся неподалеку от парка.

– Здесь мы и живем, – улыбнулась фрейлина, подводя девушку к слегка покосившемуся крыльцу одного из домов. – Так что – добро пожаловать. Первая комната, которая больше – моя, там и располагайся. Вторая – Дашкина. Она маленькая и темная. А мне пора, – с этими словами Лизетта убежала.

Настя еще немного постояла на крыльце, пытаясь осмыслить происходящее с ней, после чего вошла в дом.

Там везде стоял запах, будто в лесу, когда ходишь по грибы. Сама комната, указанная Лизеттой была тесной и сырой. На дровах явно экономили. От излишней влаги на беленых стенах кое-где проступали пузыри, за кирпичной потрескавшейся печкой собралась паутина.

Анастасия приоткрыла окно, чтобы впустить в комнату свежий воздух, и медленно опустилась на указанную ей кровать, чувствуя, что голова идет кругом.

События ее жизни, произошедшие в одночасье, ввели девушку в полное замешательство. Советуя пасть в ноги государыни, мать Мария хотела лишь того, чтобы воспитанница избежала участи, которую монахиня испытала на себе. Будучи Волконской, мать Мария так до конца и не смирилась с насильственным постригом. Настя то и дело замечала, как наставница смотрит с монастырской стены куда-то вдаль, бормоча себе под нос явно не молитвы.

Сама же девушка не считала судьбу монахини чем-то ужасным. Лет в четырнадцать Настя, подобно всем своим подругам, мечтала и о неземной любви, и о собственном доме, где бы она жила с детьми и мужем. Став старше, Настя легко отказалась от этих грез, понимая, что без значительного приданого вряд ли она будет нужна кому-то. Да и прелести семейной жизни, видимые ей как у соседей, так и у собственных крестьян, не показались ей особо привлекательными.

Окруженная мелкопоместными дворянами, чьи имения дробились при каждом наследовании, девушка нередко лицезрела не самые привлекательные стороны супружества. Самая ближайшая ее соседка, ее ровесница, выданная замуж по сговору родителей, с целью объединить земли, часто ходила с синяками да ссадинами, даже не скрывая их.

Когда же Настя спросила причину такого, та посмотре-

ла на нее, как на церковную дурочку, и долго объясняла о необходимости повиноваться мужу и терпеть от него все. Эта речь надолго запала девушке в голову, и по здравому размышлению Настасья решила, что не годится она в жены – слишком уж она была горяча и нетерпелива, так что прямая ей дорога не то в старые девы, не то в монастырь.

И тут как снег на голову свалилось известие об аресте отца, привезенное верным Петром, короткие заполошные сборы, слезы красавицы Глаши, и эта аудиенция, которая так резко поменяла Настину судьбу. И теперь девушка, растерянная и опустошенная, сидела в холодной комнате, ощущая, что угодила в западню, из которой ей уже не выбраться.

Если в дороге Настя дрожала от одной мысли, что осерчавшая императрица бросит ее в каземат, то теперь это казалось меньшим из тех зол, что обрушились на девушку. Заужество с незнакомцем страшило её гораздо больше. К тому же незнакомый жених был преображенцем, и, стало быть, перекидывался в зверя. В памяти всплыли последние слова матушки про оборотней, и Настасья тяжело вздохнула.

В дверь требовательно постучали, потом показалась взлохмаченная голова щуплого мальчишки, вымазанного сажей. Трубочист, догадалась Настя. Мальчишка шмыгнул носом и потер его рукой, отчего у него сажей нарисовались усы:

– Ты, что ль, новенькая? – спросил он. – Которая Збышева?

– Да, я.

– Выйди на крыльцо, там тебя ожидают!

– Кто? – встревожилась девушка.

– Я почему знаю? Мне сказано сыскать и передать! – он скрылся из виду.

Слегка удивленная, Настя по длинному коридору вышла из домика и тотчас же попала в объятия заголосившей при виде хозяйки Глаши:

– Настасья Платоновна, душенька, живая!

Петр стоял рядом с племянницей и смущенно мял в руках мокрую от дождя шапку.

– Глаша, прекрати, – Анастасия с трудом выпуталась из цепких объятий. – Не в деревне мы! Здесь люди смотрят!

Случайные прохожие уже начали оборачиваться на глашины возгласы. Анастасия пыталась спроводить свою крепостную подальше от чужих глаз, но Глаша постоянно цеплялась за хозяйку, словно боясь, что та ускользнет от нее. Успокоив девку и объяснив, как найти комнату, в которой теперь они будут жить, Настя повернулась к слуге:

– Петр! А ты чего сразу вещи решил привезти?

– Дык это... господа гвардейцы на дворе над Глашкой снаильничать хотели... мы в комнате закрылись... и ежели б не барин, убили б нас! – Петр мотнул головой в сторону.

Только теперь Настя заметила Белова, стоящего за большим раскидистым дубом. Девушка вспыхнула и невольно оглянулась на спасительную дверь во фрейлинский домик.

Гвардеец сделал шаг вперед и поклонился.

– Это опять вы? – в голосе девушки звучала обреченность.

– Я, – весело подтвердил Григорий, сейчас, когда он был сыт, злость на невольную виновницу его бед утихла.

Пока он сопровождал возок к фрейлинским корпусам, план в голове окончательно оформился, и Белов пришел в свое обычное расположение духа, которое не смог нарушить даже все усиливающийся дождь.

Отведя слуг к фрейлинскому корпусу, Григорий сперва остался потому, что опасался, как бы опять не приключился какой конфуз с Глашей. Красота девки привлекала внимание мужчин, а это, в свою очередь, могло обернуться скандалом при дворе. Потом уже с удивлением смотрел Белов на общение Насти со слугами, сам он так по-родственному обычно общался с надоедливymi сестрами. Более того, после разговора с сестрой Григорий почти смирился с неизбежным, и смущение невесты его забавляло.

Он подошел ближе, и девушка заметила, что мундир на гвардейце промок насквозь, а парик был небрежно засунут в карман. Русые волосы казались совсем темными, мокрыми прядками облепляя лицо. Только звериные глаза сверкали по-прежнему ярко.

Анастасия тяжело вздохнула, набираясь смелости.

– Я должна просить у вас прощения... Поверьте, если бы в моей власти было все исправить!

– Не будем об этом, – оборвал ее преображенец, – Мне все равно надобно будет с вами поговорить об этом, но поз-

же. Сейчас скажите, что вы собираетесь делать с вашим мужиком?

– С кем?

– С ним, – гвардеец кивнул на угрюмо замолчавшего Петра. – Во фрейлинских домах лицам мужского пола вход заказан! И за этим правилом тщательно следят.

– Не знаю, – призналась девушка под двумя пристальными взглядами. – Езжай-ка ты, Петр, наверное, в имение. Глаша со мной останется – поспокойнее будет.

– Только пусть девка ваша на глаза государыне не попадается, – тут же предупредил Белов, – Елисавета Петровна не любит красивых крепостных, вмиг косу острижет! Да и одну ее никуда пока не пускайте – солдат тут много, они до девок охотчие.

Настя согласно кивнула. Петр с от этих слов вздрогнул, оглянулся на гвардейца, и решительно начал:

– Прости, Настасья Платоновна, мне мое своеволие, но не поеду я.

– Как? А куда тогда... – девушка захлопала глазам.

– Пачпорт у меня в исправности, я на постоялом дворе расположусь, или на завод в Стрельне наймусь! Не дело это, двух девушек одних оставлять!

Анастасия подавленно смотрела на него. У себя в имении она знала бы, что сказать, чтобы ее распоряжение было выполнено. Но здесь, в Питерсбурхе, девушка терялась.

К стыду своему, она была бы даже рада, если бы Петр

остался. Мужик он разумный, если говорил, то по делу. Верный слуга, он всегда присутствовал в жизни Настасьи, и без него девушка чувствовала себя совсем покинутой. Она с отчаянием взглянула на гвардейца, словно спрашивая совета.

– Если все бумаги в порядке, то я могу забрать вашего Петра в помощь моему денщику! – неожиданно сам для себя предложил Григорий, которому порядком осточертело мокнуть под дубом, – Лишние руки мне всегда сгодятся.

Анастасия хотела возразить, но не нашла слов. Слишком уж много событий обрушилось на нее за последнее время. Это не укрылось от проницательного взгляда Белова, он усмехнулся и выжидающе посмотрел на Петра.

– А что, Настасья, барин дело говорит, – оживился тот, – и работа найдется, и рядом буду! Уж к вам-то меня всегда отпустят!

– Петр, ты же знаешь, что волен поступать, как сочтешь нужным, – слабо возразила девушка. – Если господин Белов не против...

– На том и порешили! – преображенец нахлобучил мокрую треуголку и поежился, струйки воды противно текли за шиворот. – Тогда ступайте в комнату, я пришлю сюда своего Ваську, чтоб помог Петру сундук занести.

Он собирался было сесть на коня, но Анастасия вдруг коснулась его ладони:

– Подождите!

– Что еще? – Григорию было приятно прикосновение её

пальцев и, чтобы скрыть это, он говорил достаточно резко.

Настя вздрогнула, но руку не убрала.

– Обещайте мне, что будете относиться к Петру, как к вольному человеку, – потребовала девушка.

– Что? – слегка опешил Белов.

Пользуясь его замешательством, Настя торопливо пояснила:

– Петр не слуга мне, а друг. Ему отец вольную хотел дать, да не успел.

Последнее было ложью. Отец никогда даже не задумывался о таких вещах, но гвардейцу об этом необязательно было знать. Ожидая ответа, девушка с тревогой всматривалась в золотисто-желтые волчьи глаза преображенца.

Слишком часто видела она неоправданную жестокость помещиков по отношению к крепостным. Соседи не только не стыдились, а даже бравировали изощренностью в выдумке наказаний, нарочно сзывая гостей на зачастую кровавые зрелища.

Белов, не зная всех ее мыслей и желая лишь скорее отправиться в казармы, раздраженно пожал плечами:

– Да как хотите. Провинится, к вам на расправу пришлю! Здесь, благо, рядом! Ступайте уже в дом, а то совсем вымокнете!

– Спасибо! – выдохнула Настя.

Белов хотел возразить, что это не стоит благодарности, но передумал. Пусть лучше так.

– И, кстати, не говорите пока никому о том, что произошло у государыни, – приказал он, уже вскакивая в седло и пуская коня вскачь.

После отъезда гвардейца напряжение ослабло. Настя выдохнула и нерешительно посмотрела на своего слугу. Тот неодобрительно качал головой.

– Настасья, Настасья, с таким характером и поведением ты никогда себе мужа не найдешь. Вон и этот ускакал, будто ошпаренный.

– Да куда он ускачет от приказа государыни, – пробурчала Настя себе под нос и добавила громче, – ты, Петр, езжай в казармы Преображенского полка, располагайся там, вещи мои привезешь, как дождь закончится!

– Преображенского? – ахнула Глаша, осеняя себя крестом.

– Глаша, ступай в комнату! – Настя строго посмотрела на нее. – Дверь направо. Я там теперь жить буду. Государыня меня во фрейлины приняла.

– А... – девка замялась. – А Платон Александрович что?

– Потом расскажу. Ступай!

Глаша кивнула и поспешно ушла в дом. Настасья вновь обернулась к Петру.

– Петр, я...

В носу противно защипало, словно слуга уезжал навсегда.

– Вы б под дождем не стояли, Анастасия Платоновна, – строго произнес слуга, поняв, что у девушки сейчас на ду-

ше. – Не ровён час застудитесь! Ветер вон какой! А за меня не переживайте, я ж по соседству буду!

Настя невольно улыбнулась.

– Бог в помощь, Петр! Если что – мигом ко мне! – наказала она, стараясь, чтобы голос звучал твердо.

– Будет сделано! – мужик развернул возок и причмокнул губами, высылая лошадь.

Девушка украдкой перекрестила удаляющуюся фигуру и вернулась в комнату.

Глаша уже хлопотала у печки, выложенной сине-белыми изразцами, пытаясь развести огонь.

– Дрова сырые, – пожаловалась она хозяйке. – Словно неделю под дожем были.

– Может, и были, – вздохнула Настя. – Кто ж их разберет...

Оглянувшись, чтобы никто не видел, она подошла к печи и провела рукой над поленьями. Сила отозвалась волной тепла. Вода запузырилась, зашипела на древесине, сразу по-светлевшей.

– Вот. Сухие, – улыбнулась девушка.

Глаша неодобрительно покосилась на хозяйку.

– Осторожнее бы вы, Настасья Платоновна, с шалостями такими. Что, если кто увидит?

– А кто увидит? – отмахнулась Настя, – тут кроме меня да тебя и нет никого!

– Оно-то так, токмо постелей-то две. Стало быть, соседка

у вас имеется!

– Имеется, – подтвердила Настя, вновь садясь на кровать. – Зябко как, Глаша, ты печь-то подожги!

Та послушно постучала кресалом, поджигая трут. Разведя огонь, она прикрыла заслонку и повернулась, явно желая выведать подробности, как хозяйку зачислили в фрейлины, и откуда вдруг Настя водит знакомства с преображенцами.

К счастью девушки, не желавшей отвечать на вопросы молочной сестры, дверь в комнату отворилась и на пороге возникла высокая темноволосая девица в желтом платье.

– Ты, что ли, новенькая? – она с любопытством посмотрела на сидящую на кровати девушку.

– Наверное, я.

– Лизетта ко мне весточку отправила. Просила за тобой присмотреть, пока сама на дежурстве, – девица с завистью посмотрела на огонь в печи, – Не дымит! А у нас дрова сырые!

Глаша бросила многозначительный взгляд на хозяйку, Анастасия сделала вид, что не заметила, внимательно рассматривая незваную гостью.

– Дарья я, – представилась та, – Соседка твоя и Лизетты. Вы с ней в этой комнате, а я одна – в соседней. Остальные – в других домах расселены.

– А почему ты одна живешь? – вырвалось у Насти.

Девушка хмыкнула:

– Каморка там, а не комната. Вторая кровать не поместит-

ся, да и окна нет, окромя меня никто туда и не хотел.

– А ты захотела?

– Меня и не спрашивали. Я ж во фрейлинах из милости государевой, а не по протекции, как остальные.

Настя слегка смутилась.

– За меня тоже никто не просил, – тихо сказала она. – Елисавета Петровна сама так решила.

– Значит, понравилась ты ей! – улыбнулась Даша.

Улыбка преобразила фрейлину, сделав почти красавицей. Настя лишь махнула рукой в ответ: она до сих пор с трудом вспоминала все, что произошло на аудиенции. Да и Белов почему-то просил не говорить никому. Ссориться с женихом, пусть даже и нежеланным, не хотелось.

– А сколько у Елисаветы Петровны фрейлин? – поинтересовалась девушка, желая сменить тему разговора.

Дарья в задумчивости покусала губу.

– С тобой девять будет. В прошлом году аж двенадцать было, да Марфа умерла от простуды, Анна в опалу попала, а Матрена и Пелагея замуж вышли. Им обеим государыня приданое дала аж на двадцать пять тысяч каждой!

– Сколько? – ахнула Настя, думая, что ослышалась.

– Двадцать пять тысяч. Сервизы, гарнитуры, украшения бриллиантовые... – Дарья завистливо вздохнула. – Но они обе богатые были... А тебя-то как звать?

– Настасья.

– Настя то есть.

– Можно и Настя.

– Девка твоя? – гостья небрежно кивнула на Глашу, скромно стоявшую у печки.

– Моя. Аглаей кличут. Можно просто Глаша.

– Красивая она у тебя, даром что крепостная, – Дарья покачала головой. – Намучаешься ты с ней!

– С чего это? – насупилась Настя.

– Да с того, что мужиков здесь тьма-тьмушая! Кто в солдатах, кто при заводе Стрельнинском, где кирпичи обжигают, а еще те, кто дворец строил, не уехали! – начала перечислять фрейлина. – В общем, отослала бы ты её подобра-поздорову!

Глаша бросила на хозяйку беспомощный взгляд. Та вздохнула.

– Не могу, – призналась она. – Я и взяла-то её, лишь бы дома не оставлять. У нас сосед есть... уж очень до красивых девок охоч. Говорят, у него рядом с домом флигель выстроен, он там всех их держит и тешит с ними каждую ночь... непотребствами разными. Уже нескольких в могилу свел.

– А ты что, видела? – оживилась Дарья.

– Что видела?

– Ну, флигель?

– Нет. На те земли мне путь заказан. Особенно сейчас, когда... – Настя оборвала себя, вспомнив, что Белов наказал ей пока молчать о случившемся.

– Когда что? – Дарья даже подпрыгнула от любопытства.

Настасья вдруг поняла, почему преображенец так ухмы-

лялся, когда просил молчать. Соседка допрашивала похлеще любой Тайной канцелярии.

– Когда государыня меня фрейлиной назначила. Ты же понимаешь, что появишься я там, слухи пойдут гадкие, да и ни к чему мне это.

Объяснение вполне устроило Дарью. Она кивнула.

– Верно. До невест из фрейлин все охочи! Только не всем достается!

Настя невесело улыбнулась. Это не укрылось от взгляда Глаши, она вопросительно посмотрела на хозяйку, но та приняла беззаботный вид, якобы слушая без умолку болтавшую Дарью.

Та перескакивала с темы на тему, перебивая саму себя и ничуть не смущаясь этим. Наконец, изложив все последние сплетни, фрейлина спохватилась, что ее уже ждут, и выскользнула из комнаты. Чуть позже послышался drobный стук каблучков по коридору, хлопнула входная дверь.

Настя все еще сидела на кровати, смотря в стену безжизненным взглядом. Глаша подошла, села рядом, погладила по спине.

– Настасья Платоновна, голубушка, что с тобой?

Этот жест был последней каплей.

– Ох, Глаша, что же я натворила! – девушка прижалась к плечу молочной сестры и расплакалась.

Глава 5

Следующим утром Настя проснулась поздно и долго не могла понять, где она находится. Голова была тяжелой, глаза опухли от рыданий, хотя Глаша вчера весь вечер, так и не допытавшись, что стряслось, прикладывала к лицу хозяйки холодные компрессы.

– Настенька, душенька, проснулась? – Глаша подбежала к ней.

– Лучше бы и не просыпалась, – простонала девушка, вновь вспоминая события вчерашнего дня. – Угрозило же попасть из огня да в полымя!

– Будет вам, – Глаша подала старую выцветшую шаль, которую Настя, выпроставшись из-под пухового одеяла, накинула на плечи.

Вторая кровать так и не была разобрана, Лизетта провела ночь во дворце. Настя припомнила, что Дарья говорила о дежурствах: дежурили фрейлины с полудня до полудня следующего дня.

Стало быть, полдень еще не наступил. Настя кинула взгляд в окно, небо снова было затянуто тучами и понять, как высоко солнце, не представлялось возможным. Вдобавок само небо было очень низким, оно буквально давило, прижимало к земле, навевая мрачные мысли. Из-за лившегося всю ночь дождя в комнате опять было сыро, дрова прогорели

еще ночью, и девушке пришлось плотнее закутаться в шаль.

Привычно помолившись перед образами, Анастасия села за стол, на котором уже стояла глиняная миска с гречневой кашей и кувшин с молоком, купленные на рынке.

Вчера вечером Петр и молодой вихрастый веснушчатый парень (Васька – поняла Настасья) кряхтя внесли сундук с вещами.

– Здрава будь, хозяйка, – поставив сундук у стены, Васька по обычаю поклонился, выпрямился и замер, не отводя глаз от Глаши. Девушка на удивление не отвернулась, не окинула по обычаю парня гневным взглядом, лишь зарделась, да опустила глаза в пол, будто невеста на смотре. Петр нахмурился и ткнул парня в бок:

– Ты смотри, да не засматривайся! Это Глашка, сестры моей дочь!

Васька шумно вздохнул:

– Ты уж не серчай, Петр, красивая она у тебя, просто глаз не отвести!

Настя, сидя у окна, задумчиво рассматривала Василия. Высокий, широкоплечий, светловолосый, таких в каждом селе по пальцам пересчитать. Веснушки на курносом носу придавали ему слегка мальчишеский вид. Но лицо денщика Белова вызывало доверие. К тому же и глаза были простые, человеческие.

– Да с такой красотой одни беды, – посетовал Петр. – Девке даже на улицу одной не выйти. Так что сейчас на базар

побегу.

– Это да, – Василий задумался, его голубые глаза хитро сверкнули, – Слушай, Петр, а давай мы с Глашей сходим? Меня здесь все знают, и с людьми Григория Белова связываться никто не захочет.

– А сам-то? – нахмурился тот.

– И пальцем ее не трону, вот те крест! – денщик истово перекрестился.

Петр вопросительно посмотрел на хозяйку. Девушка кивнула, признавая правоту слов Василия. Слуга вздохнул и решительно нахлобучил шапку на голову:

– И я с вами пойду! От греха подальше.

Они ушли, а Настя закружила по комнате, вновь жалея, что ввязалась в эту авантюру, но отступить было поздно. Острог или казнь отца представлялись девушке наименьшим наказанием, если она надумает вдруг послушаться приказа императрицы. Но и быть неугодной женой она не желала, оттого и кружила по темной горнице, пытаясь собраться с мыслями. На ум приходило лишь одно: монастырь.

Но Настя опасалась, что, прими она сейчас постриг, Елисавета Петровна или казнит отца, или сошлет на каторгу, и тогда остается лишь гадать, что станет и с имением, и с верными слугами. Да и перед Беловым было стыдно, что нелепый поступок порушил ему всю жизнь. Хотя, опосля свадьбы, гвардеец наверняка вернется ко двору и прежним увлечениям, оставив жену в своем имении...

Внезапно Настя остановилась, пораженная крамольной мыслью. Ведь можно было исполнить указ императрицы и после венчания уйти в монастырь. Наверняка Григорий, заинтересованный в своей свободе, поможет ей. Это придало сил.

К приходу Глаши девушка смогла успокоиться и даже связно поведать о своем визите к государыне. О необычном сватовстве она почему-то умолчала, боясь, что Глаша своим сочувствием опять доведет ее до слез, но та была слишком задумчива.

Сидеть в комнате не было никакого смысла, и Настасья решила прогуляться по парку. Тем более как лицу, состоящему на службе у императрицы, ей позволено было проходить во дворец. Девушка потребовала от Глаши закрепить фижмы и принести второе приличное платье, серого шелка с вышитыми яркими нитями огромными цветами.

В имении Настя зачастую носила сарафан, как и крестьянки, но мать Мария, взявшись за образование юной девушки, приучила ее обращаться с платьем и столичным манерам, а также научила грамоте, счету и наукам, которым сама в свое время обучалась наравне с братьями.

Бродя по дорожке вдоль забора, Анастасия понимала, что сейчас ей очень не хватает мудрости ее наставницы. Та наверняка не оконфузилась бы вчера, как это случилось с самой Настей, да и разговор с самой государыней повернула бы по-другому.

Увлечшись своими мыслями, девушка не заметила, что ей навстречу идет нарядно одетая женщина.

– Осторожнее! – окликнула её та.

Девушка вздрогнула и недоуменно посмотрела на нарядную даму. Хотя женщина была и немолода, её платье из алого бархата было пошито по последней моде и по краю украшено золотыми кружевами, светлые волосы уложены в причёску, закреплённую шпильками с рубинами и изумрудами, а в уголке рта таилась черная бархатная мушка.

– Мы с вами платья помнем, – улыбнулась женщина, её голубые глаза весело засияли.

– Да, верно, – Настя сообразила, что дорожка слишком узкая. – Простите...

Она хотела попятиться, но женщина удержала её, коснувшись руки.

– Послушайте, мне все равно куда идти, может быть, составите мне компанию?

– Право, не знаю, – девушка насторожилась.

С одной стороны, женщина прогуливалась по парку, словно у нее было на это полное право, с другой, разве вчера она сама не так же уверенно шла в покои государыни, ведомая под руку незнакомым гвардейцем.

Тогда государыня осерчала на Белова, не будет ли это сегодня с самой Настей, ведь она не знает имени этой нарядной дамы.

– Меня зовут Софья Петровна Горбунова, – та словно уга-

дала мысли девушки. А может, уловила тень сомнения на лице. – А вы, как я понимаю, Анастасия Збышева? Новая фрейлина императрицы Елисаветы?

– Д-д-да... – отрицать было глупо.

Девушка окончательно растерялась. Закралась мысль, что эта нарядная дама нарочно пошла по тропинке навстречу Насте, чтобы иметь возможность заговорить с ней.

– Тогда приятно познакомиться, – хотя Софья Петровна и улыбалась, её голубые глаза рассматривали девушку очень пристально. – Пойдемте, присядем?

Она махнула веером на одну из беседок-галерей, увитых диким виноградом. Отказываться было невежливо, и Настя покорно поплелась следом за новой знакомой.

– Как вы находите парк? – спросила Софья Петровна, как только они сели на скамейку, расправив свои юбки.

– Он совершенно необычен, я никогда раньше такого не видела, – призналась девушка.

– Он вам нравится?

– Я слишком мало еще гуляла здесь, чтобы составить мнение, – уклончиво ответила Настя, слегка недоумевая, с чего вдруг даме понадобилось расспрашивать её про парк.

– А Каскад? Вы видели Каскад? И доблестного Самсона, разрывающего пасть льва?

– Увы, нет.

– О, это необходимо исправить! – дама даже подскочила и требовательно протянула руку. – Идемте же!

Её лицо просто светилось от энтузиазма. Настя вновь заколебалась, но желание видеть Самсона победило, и она послушно встала.

Дама подхватила её под руку и повела ко дворцу. Это все так напоминало вчерашние события, что Настя скосила глаза, чтобы убедиться, что под руку её ведет не Белов. Профиль дамы показался ей очень знакомым, как и та напористая энергия.

– Скажите, а вы не знаете Григория Белова? – повинувшись интуиции, вдруг спросила девушка. – Он служит в Преображенском полку.

Спутница рассмеялась и, выпустив локоть девушки, развела руками.

– Быстро вы меня раскусили. Я его сестра.

– Вот как? – Настя невольно выпрямилась еще больше. – И к чему был весь этот маскарад?

– Какой маскарад? – Софья все еще улыбалась, хотя улыбка не затрагивала голубых глаз. – Я действительно по мужу Горбунова, лица я не прятала и имя сразу назвала.

– Вы же специально шли мне навстречу, – обида не проходила.

– Ах, это... – Софья фыркнула. – Я просто прогуливалась по парку, но, признаться, брат достаточно подробно описал вас, и заметив юную девушку, так подходящую под описание, я прибегла к небольшой хитрости, чтобы поговорить с вами. Или вы думали, что никто из нашей семьи не поинтересует-

ся, что за девушку государыня сватает наследнику Беловых?

Последние слова прозвучали достаточно жестко. Настя вздрогнула, но взгляд не отвела. Несколько мгновений две женщины стояли друг напротив друга, потом Софья рассмеялась.

– Ну, будет! – она вновь подхватила Анастасию под руку. – Вы ведете себя достойно, видно, что воспитаны примерно, потому я не вижу смысла ссориться.

Настя с трудом сдержала рвущиеся наружу резкие слова. Враждовать с сестрой нежеланного жениха было глупо, и девушка покорно позволила провести себя сквозь галерею первого этажа. Софья шла размеренно, очень часто отвечая на приветствия кого-нибудь из давних знакомых.

– Софьюшка, дорогая, ты ли это? – несколько дам, стоявших у огромного арочного окна, обернулись, одна из них даже всплеснула руками.

– А кто ж еще? – Софья отвернулась к Насте и прошептала. – Нам придется подойти!

Обворожительно улыбаясь, Софья приблизилась. Настасья нехотя устремила за ней. Она заметила среди женщин вчерашнюю знакомую ей Марфу Симоновну. Судя по недоброму блеску, та тоже вспомнила виновницу своей немилости.

– Какими судьбами? – продолжала вещать незнакомая дама. Ее лицо было обильно замазано белилами, щеки не в меру нарумянены, а в темных волосах виднелась седина. – Ду-

мала, ты уж никогда не оставишь свои соленья-варенья!

– Я бы и не оставила, да подруга давнишняя попросила за ее крестницей присмотреть, – Софья махнула веером в сторону Насти. – Настасью государыня во фрейлины взяла, вот подруга и беспокоится... Настенька, да ты подойди, не стесняйся!

Она ободряюще улыбнулась изумленной девушке. Той ничего не оставалось, как подойти и сделать малый реверанс. Софья одобрительно хмыкнула. Дамы сочувственно закивали. Все, кроме Марфы. Она зло посматривала то на девушку, то на её внезапную покровительницу.

– Чего уж опосля беспокоиться, – прошипела она. – Ты, видимо, Софья Петровна не слыхала, о чем весь двор уже шепчет: бесстыдница эта с братом твоим под белу руку через все покои ходила!

Настя заметила, что стоявшие вокруг начали оборачиваться, чтобы посмотреть на девицу, слухи о которой уже расползлись по дворцу. Она гордо вздернула голову и твердо посмотрела на фрейлину.

– Зато я с ним по углам не шепталась, – только и заметила девушка.

Кто-то из дам рассмеялся.

– Марфа, ты что, с Григорием по углам хоронилась? – воскликнула она, остальные подхватили.

– Головиной дорогу перебегаешь?

– Ой, смотри, Гришка-то наш! Везде успел! – смех обо-

рвался, дама пристыжено посмотрела на Софью.

Та улыбнулась.

– Думаю, моей подопечной негоже слушать такие речи! А Гриша мне вчера услугу оказал, я его просила, сама не могла, вот и помог по-родственному. А сейчас простите, нам надобно пройти поглядеть на Самсона! – коротко раскланявшись, Софья Петровна подхватила Настю под руку и поспешила к дверям, ведущим на огромную террасу.

Лакеи почтительно распахнули рамы с мелкой расстекловкой. В лицо сразу пахнуло морем. А в глазах... в глазах буквально зарябило от блеска золота и капель воды, разлетавшихся повсюду.

Настя невольно ахнула и подошла к балюстраде, украшенной малахитовыми с позолотой огромными вазами. Под ними бурлила вода, стекая серебристой пеленой с мраморных ступеней каскада.

Десятки золоченых скульптур, людей и мифических чудовищ, струи воды, переплетающиеся ажурными нитями. Но не они приковывали внимание, а золотая фигура обнаженного мужчины, разрывающего пасть льву.

Он стоял внизу, на огромном каменном постаменте, уже успевшем подернуться зеленой тиной, в окружении золотых рыбин.

Из пасти зверя, точно последний рык, вырывался огромный водяной столб, он устремлялся вверх, до окон второго этажа дворца, оставшегося за спиной.

Позабыв обо всем, Настя с восхищением рассматривала фонтан. Она даже и не предполагала, что на свете может быть такая красота.

– Полно, – Софья вновь взяла девушку под руку, – Не стоит так долго стоять на одном месте, иначе мы привлечем слишком много внимания. Вы же не хотите, чтобы над вами потом потешались?

– Почему вы так хлопчете обо мне? – вдруг спросила Настасья.

– Что?

– Вы же должны меня ненавидеть, а не по паркам водить, фонтанами любоваться, – в другое время Настя поостереглась бы вести такой разговор, но сейчас она была издержана до предела.

Софья это поняла. Даже не поняла, а уловила, как опытная мать всегда улавливает капризное настроение детей.

– Пойдемте вниз, – женщина указала на лестницу, идущую вдоль каскада. – В парке есть скамейки, и мы сможем спокойно поговорить.

Не дожидаясь ответа, она начала спускаться, Настя, выдохнув, обреченно последовала за своей спутницей. Они прошли по дорожке, обогнули пестрый цветник, вокруг которого затейливыми завитками были рассыпаны белоснежные фарфоровые черепки.

При виде такого расточительства, девушка хмуро сдвинула брови. Это не укрылось от Софьи, она усмехнулась.

– Государыня приказала, коль чашка или блюдо разбилась, осколки не выбрасывать, а садовникам отдавать, – охотно пояснила она, – посуда дорогая, так пусть даже в битой польза будет.

Настя пристыжено кивнула, мысленно коря себя за поспешность умозаключений.

Скамейка обнаружилась за кустами, подстриженными так ровно, что они казались тонкой зеленой стеной.

Софья села и выжидающе посмотрела на свою спутницу.

– Садитесь, разговор у нас предстоит долгий.

Девушка упрямо поджала губы, но присела на самый край и выжидающе посмотрела на сестру Григория Белова.

– Гриша вчера приезжал ко мне, – начала та без обиняков. – И рассказал о приказе государыни. Почему вы решили идти так, напрямик, а не подали челобитную князю Черкасову?

Настя тяжело вздохнула.

– Я не знала, что так заведено, – призналась девушка. – Мать Мария, она у нас в монастыре казначеей¹, сказала, что надо испросить аудиенции и броситься императрице в ноги, авось она сжалиться, вот я и поехала...

– Мать Мария?

– Из Волынских она. В миру Ксения.

– Ксения Волынская? – Софья даже подскочила. – Она...

---

¹ Должность казначея в женском монастыре действительно пишется именно так.

жива?

– Да... – Настя с изумлением посмотрела на собеседницу.

– Она подругой моей была! – торопливо пояснила та. – Наши дома в Питерсбурхе стояли по соседству. Мы часто виделись в детстве... да в юности, пока... семью их не арестовали...

Софья вздохнула:

– Как я понимаю, вашего отца постигла та же участь?

– Да, – глухо отозвалась Настя. – Он лишку выпил, когда в карты играл...

Девушка прикусила губу, вдруг вспомнив, что Софья – сестра Григория Белова. Впрочем, той наверняка не составило бы труда узнать правду о Платоне Збышеве.

– У вас есть еще кто-нибудь из родных? – продолжала попытываться собеседница.

– Нет, – покачала головой Настя. – Никого.

Она настороженно следила за сестрой Григория, которая в задумчивом молчании то складывала, то раскладывала веер.

– Вы во всем вините меня? – не выдержала девушка.

– Если бы винула, то не стала бы разговаривать с вами, – задумчиво заметила та. – Гриша прав, приказ государыни отменить невозможно... Хотя...

Она легонько постучала пальцами по скамейке. Ветер вновь налетел, принося холод залива. Софья, казалось, не заметила этого, а Настя поежилась и обхватила себя руками, пытаясь согреться. Из-за фонтанов в парке было очень сыро,

и девушка озябла. Это не укрылось от её спутницы.

– Я вас совсем заморозила, – воскликнула она, вставая. – Пойдемте же скорее, я и позабыла, что вы только приехали и еще не привыкли к нашим суровым ветрам!

Софья проводила девушку до дворца. Дальше Настя настояла, что пойдет сама: ей хотелось побыть одной, чтобы поразмыслить обо всем. Её спутница попыталась возразить, но столкнулась с решительным отпором и вынуждена была отступить, со скрытым уважением посматривая на гостью.

Вежливо распрощавшись, Настя достаточно быстрым шагом направилась к воротам парка, мечтая как можно быстрее оказаться в сырой комнатушке, которую уже считала своим пристанищем.

Визит Софьи вызвал достаточно смешанные чувства: с одной стороны, сестра Григория девушке нравилась, с другой...

С другой – госпожа Горбунова одним своим присутствием ясно дала понять, что она полностью на стороне брата и будет оберегать его до последнего.

С этими размышлениями Настя вышла из парка и уже подошла к крыльцу своего обиталища, когда ее за талию вдруг ухватили крепкие мужские руки.

– Куда же вы, прелестница?

Девушка развернулась и поморщилась. В лицо ударил запах перегара. Незнакомый офицер в небрежно застегнутом красно-зеленом мундире и съехавшем на ухо вместе с тре-

уголком парике склонился над девушкой. Несколько его товарищей стояли чуть поодаль и с интересом наблюдали за происходящим.

– Куда вы так спешите, прекраснейшее из созданий?

– Пустите, – тихо, но твердо сказала Настя, чувствуя, как в ее груди закипает злость.

Она ненавидела пьяных, особенно, когда они в какой-то момент решали, что им все позволено. У себя в имении девушка строго наказывала мужиков, что не знали меры, но здесь был офицер, дворянин, и Настя растерялась.

– Охотно, милая, если подарите мне поцелуй!

– Нет, – она уперлась руками в грудь, пытаясь оттолкнуть пьянчугу, но тот крепко удерживал свою жертву.

– Какие мы скромные, – захихикал он, перехватывая руки девушки так, чтобы она не могла сопротивляться.

– Отпусти, – процедила Настя сквозь зубы, чувствуя, как в ней разгорается ведьмовская сила.

Конечно, разумнее было бы поднять шум или изобразить обморок, но накопившаяся злость требовала выхода. Серые глаза девушки полыхнули ярким огнем, она приготовилась ударить магией, когда обидчик вдруг отлетел от девушки.

– Лыков, не балуй! – раздался рядом знакомый голос.

– Белов? Гришка? Ты чего? – обижено проблеял тот, хватаясь за челюсть, по которой только что проехался кулак преобращенца.

– Ничего, – Григорий развернулся так, чтобы загородить

Настю. — Иди-ка ты пропись в казармах! Тебе на пост заступать ночью!

— Так то ночью! — отмахнулся пьяный. — Там я как стек... как стеклышко буду! Ты ж меня знаешь!

— Знаю. Поэтому и говорю — ступай отсюда, пока тебя Долгорукый не встретил, я его недавно видел около ворот. Поверь, он с тобой церемониться не будет, на гауптвахту сразу загремишь! — Белов выразительно посмотрел на друзей Лыкова, все еще стоявших на своем месте.

Те подошли к приятелю и начали уговаривать уйти. Лыков мотал головой и отнекивался. В конце концов он демонстративно сел на землю и скрестил руки на груди, всем своим видом показывая, что не тронется с места.

Белов на это смотреть не стал.

— Пойдем отсюда, — он взял Настю за руку и повел к домику, точно дитя малое.

— Отпусти! Я сама! — она сердито выдернула руку.

От неожиданности преображенец даже остановился.

— Ты чего? — слегка обиженно спросил он.

— А ничего! — взвилась Настя, окончательно издерганная событиями последних дней. — Вот откуда ты на мою голову взялся, а?

— Я взялся? — фыркнул Григорий. — Да ты сама на меня налетела!

— Я налетела? Это ты бежал! К Головиной своей, али к еще к кому?

– Тебе-то какое дело, – огрызнулся Белов, окончательно разозлившись.

Вчера в казармах приятели полночи угощали его шипучим французским вином, введенным в моду франкийским послом. Вино оказалось очень коварным, сперва легкое, оно валило с ног, и теперь поутру у преображенца ломило виски.

Впрочем, остальные участники возлияний были в худшем состоянии, и это слегка утешало. Поминая, что после такой попойки лучше всего прогуляться на свежем воздухе, Григорий вышел из казарм, и ноги сами почему-то понесли его к фрейлинским корпусам, где он и увидел Лыкова, обнимающего Анастасию.

И вот теперь вместо слов благодарности, эта тощая девица обрушилась на него с градом упреков, и зачем-то еще приплела бывшую полюбовницу Головину.

– А никакого, – тем временем продолжала Настя, словно радуясь, что хоть на ком-то может сорвать злость. – Вот и тебе до меня не должно быть! Ты зачем сестре все сказал?

– Софье? Откуда ты знаешь? – Белов не стал оправдываться или отрицать, лишь нахмурился. – Она что, здесь была?

– Была.

– Что делала?

– Самсона мне показывала!

– И как? – по-глупому спросил окончательно опешивший Григорий.

У него в голове не укладывалось, что сестра бросила свое

хозяйство ради того, чтобы в очередной раз взглянуть на огромную золоченую статую, которого иначе, как «голозадый мужиком», и не называла.

– Красиво, – злость прошла так же быстро, как и появилась, и Настя уже жалела, что обмолвилась о встрече с Софьей.

Белов хмыкнул.

– Пойдем, поговорим все-таки? – он мотнул головой в сторону вчерашнего дуба, – Вроде и на виду, а вроде и укромно.

– Пойдем, – обреченно кивнула девушка.

Гвардеец взял ее за руку и охнул.

– Да у тебя пальцы ледяные! – он быстро скинул с себя мундир и накинул девушке на плечи. – Вот, грейся!

От ткани шло приятное тепло.

– А ты как же? – Настя с опаской посмотрела на серое небо, словно давившее на крыши.

– А я привычный, чай не первое лето в Питерсбурхе! – усмехнулся преображенец. – Совсем плохо станет – в волка перекинусь!

Он искренне рассмеялся, видя ошарашенное выражение лица девушки.

– Да не бойся, не сахарный я, не растаю! – он потянул ее за дерево, надежно укрывая от чужих взглядов. – Ну, невестушка, давай знакомиться! Белов я, Григорий. Можно просто Гриша.

Настя недоверчиво смотрела на него.

– Ты что на меня совсем не сердишься?

– Сержусь! Что это ты удумала, одна по улицам ходить!

Хорошо я вовремя подоспел!

– Ты про что? – опешила девушка.

– Про Лыкова, конечно! Про что ж еще! – рассмеялся Гриша. – А ты про что?

– Про вчерашнее... – Настя пристыженно опустила голову. – И про обман мой...

– Какой же тут обман? – Григорий как можно более равнодушно пожал плечами. – Сам я виноват, надо было тебя сперва про цель визита поспрошать.

Девушка горько усмехнулась:

– Думаешь, я бы тебе о ней сказала?

– Неужто не сказала бы?

– Конечно, нет! Ты бы меня как блаженную сразу от ворот спровадил...

– Может, и спровадил бы, – нехотя признал преображенец.

– Вот видишь! – грустно усмехнулась Настя, – Нет, Гриша, моя это вина, что государыня осерчала. Мне и ответ держать!

– И как же ты его держать собираешься? – Белов смотрел на невесту с возрастающим интересом.

Тоненькая, хрупкая, она почти утонула в его мундире. Глазищи огромные. И лицо такое... располагающее, что ли. Фрейлины обычно губы надувают и глазами хлопают, что совы днем. А эта...

Настя выдохнула и решительно посмотрела на гвардейца, плечом прислонившегося к дереву.

– Кора мокрая. Ты рубаху запачкаешь! – заметила она.

– Тьфу ты! – Белов отпрыгнул и попытался отряхнуть рукав. – Ну вот, Васька теперь весь вечер ворчать будет!

– Ты грязь не размазывай, – посоветовала Настя. – Подсохнуть дай. И вот...

Она попыталась снять мундир и вернуть его владельцу, но Григорий замотал головой.

– Даже и не думай! – предупредил он. – Здесь воздух плохой, чахоточный. Все, кто приезжают – в миг болеют. А ты вон бледная, даже кровь не пустить!

– Простуду не кровопусканиями лечить надо, а баней и травяными настоями! – возразила Настя, но в мундир вновь закуталась. Слишком уж он был теплый... родной какой-то. – Гриш, ты не думай, я тебя неволить не буду. Как только папеньку из острога выпустят, я с ним уеду, да у себя постриг приму...

К ее удивлению, гвардеец возмущенно фыркнул, точно зверь.

– Ты что это удумала? А я потом всю жизнь слушать буду, как молодую жену со свету сжил да в монастырь упек? – ужаснулся он. – Нет уж, Настасья Платоновна, хочешь ты аль нет – мы с тобой теперь на всю жизнь связаны!

Девушка лишь опустила голову и подозрительно захлопала ресницами.

– Так... еще этого нам не хватало! – Гриша, моментально почуяв неладное, вытащил и протянул ей свой платок. – Ну-ка слезы вытри! Потом в комнате порываешь!

– Умный какой, – Настя шмыгнула носом, но платок взяла. – И где только научился? Небось, когда по фрейлинам бегал?

– Фрейлины меня не слезами встречали, а поцелуями! – Белов вдруг понял, что хорохорится, словно мальчишка. Поморщился и добавил. – Сестры у меня. Семеро...

– С-с-сколько? – ахнула девушка, моментально позабыв о слезах.

Она с ужасом представила, как её будут выгуливать в парке, передавая с рук на руки.

– Семеро, – Белов вновь усмехнулся, разгадав мысли невесты. – Да ты не переживай, они почти все замужем, свои семьи у них. Окромя Софьи никто не побеспокоит!

– А ей-то чего? – пробурчала Настя.

– Она меня, почитай и вырастила, – Григорий в миг стал серьезным. – Тяжело я родителям дался. Матушка после родов совсем слаба была, думали преставиться. Вот Софья со мной и нянькалась. А потом уже...

Гвардеец махнул рукой. Никому не стоило знать, что, когда Белов уже служа в полку в очередной раз увидел на лице у сестры следы побоев. Не выдержав, Гриша и обернулся волком, подкараулил мужа сестры и достаточно толково и быстро объяснил ему, что будет, если Горбунов еще раз тро-

нет Софью.

Преображенец понимал, что за такое его вполне могли сослать на каторгу, но командир полка, Александр Борисович Бутурлин, вникнув в дело, вступился за своего офицера, хотя потом и сам потрепал Гришку изрядно, заставив месяц ежедневно сражаться с ним самим в звериной обличье.

Впрочем, Белов был лишь рад этому. Бутурлин слыл одним из самых опытных воинов и в схватке ему не было равных.

Софья же еще долго удивлялась, что муж внезапно предложил разъехаться, безропотно уступив и городской дом, и дачу в Питерсхоффе.

– В общем, на сестру мою не серчай, не враг она! – подытожил свое молчание Григорий. все еще зло сверкая глазами от некстати охвативших его воспоминаний.

Настя лишь повела плечами.

– Ты поговорить хотел, – напомнила она гвардейцу.

– Хотел, – подтвердил тот. – Я вот что думаю: приказ государыня не отменит, но про него еще никто не прознал, Марфа слишком злая ходила, да и надеется она, что я выкручусь.

– И что? – девушка с надеждой посмотрела на преображенца, неужели он знает, как и свадьбы избежать, и государыню не разозлить.

– А то, что, надобно нам с тобой изобразить, что мы по любви венчаться будем.

– Что?! – Настя даже взвизгнула, такой абсурдной показав-

лась ей эта мысль. — То есть...

— То и есть! — не выдержав, передразнил Григорий, как вечно дразнил непонятливых сестер. — Я супротив императорской воли не пойду! Я государыне на верность присягал и любые ее приказы исполнять должен!

— Вот и исполняй, только меня в это не втягивай! — Настя почти швырнула вдруг ставший тяжелым мундир на траву, развернулась и направилась к фрейлинскому дому.

— Дура!! — крикнул ей вслед Белов. — Себя не жалеешь, так хоть об отце подумай!

Настя на мгновение замерла, а потом решительно поднялась по ступеням дома. В сердцах хлопнула дверью.

— Вот ведь! Одно слово — баба! — проворчал Григорий, поднимая с земли и отряхивая свой мундир. — Хорошо, хоть топтать не начала, с нее станется!

Он критически оглядел зеленое сукно, особо тщательно проверил красные обшлага, чтоб на них не было комьев земли. После чего надел мундир, достал из кармана парик, нахлобучил его на голову и направился во дворец, превращать свой план в жизнь. Настя еще одумается, пожалеет, что так говорила.

Глава 6

Дворец встретил Белова бестолковой суетой. Всюду ходили придворные, в двух малых залах на втором, парадном этаже играли в карты. Зеркала на стенах, поставленные друг напротив друга отражали эту пеструю, точно цыганскую толпу. Правда, вместо мелодичных напевов кочевников здесь был лишь гул голосов, напоминающий жужжание мух над вареньем.

Григорий огляделся, выискивая того, кто мог бы проводить его к императрице. За одним из столиков игра шла по-крупному: на зеленом сукне уже переливались драгоценные камни украшений, с некоторых пор используемых для ставок вместо денег.

Банк держал сам Рассумовский. Дородный, с простоватым лицом, бывший певчий, а ныне фаворит и сподвижник императрицы, «ночной император», как прозвали его в народе, Алексей Григорьевич одинаково добродушно реагировал и на выигрыши, и на проигрыши.

Поговаривали, что Елисавета Петровна давно тайно венчалась со своим любовником, но доподлинно было никому не известно. Во всяком случае, сам Рассумовский к власти не рвался, в дела государственные не лез, а то, что на приемах государственных по его настоянию борщ подавали, так оно и к лучшему – пусть послы иностранные русскую кухню

опробуют, глядишь и у себя моду на русское введут.

При виде фаворита Белов воспрял духом. В его голове сразу же сложился иной план, более надежный, чем аудиенция у императрицы. Преображенец нарочно шагнул вперед и кашлянул, привлекая к себе внимание.

– Гришка! – заметив гвардейца, Рассумовский призывно помахал рукой.

Пришлось подойти и поклониться, согласно уставу: Алексей Григорьевич был почетным капитан-поручиком лейб-гвардии Преображенского полка.

– Ну что, волчара, – добродушно приветствовал гвардейца Рассумовский, относившийся к оборотням с большим пиететом. – Наслышан о твоих зловключениях! Елисавета Петровна мне за завтраком рассказала.

Белов скривился, понимая, что сплетни уже могли разойтись по дворцу.

– Ох, Гришка, Гришка, – продолжал Алексей Григорьевич, опрокидывая в себя очередной бокал с золотистым вином. – Мало тебя батюшка в детстве порол!

– Так вы исправьте, Алексей Григорьевич! – смело предложил преображенец. – Вы же капитан, вот приказ и отдайте!

– Ишь ты! Приказ... – протянул тот. – Вот возьму и выпорю за дерзость твою!

Григорий лишь усмехнулся. Он видел, что Рассумовский уже успел опьянеть, и не будет вставать, чтобы выполнить свою угрозу. К тому же лютовал Алексей Григорьевич лишь

на охоте, входя в азарт, отчего его егеря, как правило, были биты. Но на охоте Белов предпочитал на глаза фавориту государыни не попадаться.

– Ладно, чего во дворец пожаловал? – Рассумовский, удивившись, что ему не будут перечить, обрел прежнее добродушие.

– Милости у ея величества испросить хочу, – преображенец оглянулся, заметив, что вокруг все наострили уши.

Стало быть, сплетня о том, что любимец женщин Белов попался в силки еще не облетела дворец. Скорее всего, Алексей Григорьевич, услышав занимательный анекдот за завтраком, позабыл об этой шутке и вспомнил, лишь когда увидел самого Григория.

– Мало тебе вчера было? – хмыкнул фаворит. – Ты учти, Елисавета Петровна про тебя решительно настроена. Перечить будешь, в сердцах и в Сибирь послать может!

– На все воля Божья и государыни нашей! – отозвался Белов. И чуть подался вперед, наклоняясь к Рассумовскому. – Алексей Григорьевич, на деле просьба у меня к вам. Наедине бы...

Тот вздохнул и тяжелым взглядом обвел комнату. От него не укрылись пристальные взгляды присутствующих. Ночной император почмокал губами, подыскивая нужные слова.

– А ну пшли вон! – наконец негромко приказал он.

Все засуетились, замельтешили, торопясь выйти сквозь золоченые двери.

– Вставать лень, – пояснил Рассумовский гвардейцу, весь-
ма довольный собой. – Говори, что у тебя?

Григорий на секунду заколебался, а потом решительно
сказал:

– Окажите мне милость: не говорите никому о приказе
Елисаветы Петровны.

– А что так? – бывший церковный певчий с интересом по-
смотрел на преображенца. – Никак от свадьбы уйти хочешь?

– Хочу, – Белов не стал отрицать. – Только не дано это.
Сами знаете, коли Елисавета Петровна решила что, отсту-
пать не будет!

– Верно, тогда пошто тайну хранить?

– Да вы сами подумайте! Как девки наши узнают, что
невеста моя в фрейлинах ходит, они ж тогда ее со свету сжи-
вут! По углам все шушукаться будут, да пальцем тыкать! –
Григорий покачал головой. – А я службу оставлять не наме-
рен, вот и придется...

– Ты что, тайно венчаться решил? Ох, Гришка, после та-
кого курицы наши точно жену твою заклюют!

– Мыслей о тайном венчании у меня и в помине не было,
но... хочу представить, что по любви мы сошлись. Оно всем
спокойнее будет.

– По любви-и-и, – протянул Алексей Григорьевич. – На
обман, стало быть, пойдешь?

– Пойду, коль женщину защитить надо.

– А невеста твоя что, сама за себя не постоит?

– Постоит... – в памяти сразу же всплыло, как гневно сверкали огромные серые глаза, когда Настасья бросила мундир в траву. – Я больше яду боюсь.

– Да кто тебя травить-то будет?

– Меня вроде некому, а вот Настасью... Мало ли кто что решит... – Преображенец опустил голову, старательно рассматривая лежащие на столе карты. – Ей много не надо – худенькая, маленькая... вот и подумал: может, вы Елисавете Петровне все изложите?

Рассумовский как-то странно посмотрел на гвардейца, потом хмыкнул и, тяжело опираясь на стол, поднялся, едва не опрокинув мебель на себя.

– Ладно, Гришка, – он сделал несколько неуверенных шагов. – Попрошу за тебя у государыни нашей. Помогите до дверей дойти!

Белов мгновенно подставил плечо. Тяжело ступая по наборному паркету, они прошли несколько комнат.

– Жди здесь! – приказал Рассумовский, самолично распахивая дверь под любопытными взглядами лакеев. – Душа моя, Елисавета Петровна, услышал я интереснейшую новость!

Двери захлопнулись.

Заложив руки за спину, Григорий прошелся по комнате, хмуро посматривая на свои множественные отражения в зеркалах. От нечего делать он остановился перед одним из них и начал считать. Насчитал двенадцать и сбился. Заново

считать Белов не стал, подошел к окну и отодвинул портьеру. Внизу в парке вокруг ковша фонтана фрейлины и те из статс-дам, кто помоложе, играли в салочки.

Гриша сразу же углядел Головину. Она кружилась с завязанными глазами, юбка небесно-голубого с золотым шитьем платья качалась в такт шагам. Какой-то хлыщ подскочил к ней и обнял. Смеясь, Головина сорвала с глаз повязку, оказавшуюся офицерским шарфом, и горячо поцеловала мужчину.

Белов в раздражении отошел от окна. Его уязвило то, как быстро ему отыскивали замену. Впрочем, что еще ожидать от искушенной дворцовой жизнью бывшей фрейлины.

Двери, наконец, распахнулись. Рассумовский вышел, слегка посмеиваясь.

– Гриша, – ласково позвал он преображенца. – Зайди! Государыня кликать изволит!

Привычно одернув мундир, Белов шагнул за порог и оказался в дубовом кабинете, принадлежавшим еще самому Петру Великому. Щелкнув каблуками, гвардеец почтительно замер, стараясь не обращать внимания ни на царивший на столе беспорядок, ни на ворох бумаг, рассыпавшихся по полу.

– Ну, подойди что ли, Белов, – императрица расправила смятые кружева на груди и лукаво посмотрела на незадачливого преображенца. Губы Елисаветы Петровны слегка припухли, а глаза особенно сверкали. – Вижу, уже заступника

себе нашел?

– Так Алексей Григорьевич сами изволили... – понимая, что государыня в благостном расположении духа, преображенец дерзко улыбнулся.

– То, что Алексей Григорьевич изволил, я-то знаю, – императрица рассмеялась собственной шутке, потом с почти томной нежностью взглянула на молодого офицера. – Эх, Белов, Белов! Вот ведь дурная голова, что ногам покоя не дает! Сам все придумал? Али подсказал кто?

– Сам, матушка! Кто ж такое подсказывать будет...

– Ладно, так и быть, просьбу твою уважу... и с Марфой сама поговорю, чтоб язык за зубами держала...

– Спасибо, – совершенно не по уставу сердечно поблагодарил Белов.

Императрица снисходительно улыбнулась.

– Благодарить потом будешь, после свадьбы! А к невесте своей присмотрись. Девка правильная! Ладно, ступай уже и более меня по этому делу не беспокой! Месяц тебе даю! И меня на свадьбу чтоб позвал! Страсть как свадьбы люблю!

Григорий лишь вздохнул в ответ и, поклонившись, вышел. Он не стал возвращаться через все залы, а быстро юркнул на боковую лестницу для слуг, огибая горничных, недовольных явным пренебрежением со стороны статного офицера, спустился на первый этаж и направился к казармам.

Деревянные срубы, выкрашенные в полковые цвета, были окружены палатками, в которых жили солдаты. Сейчас те из

них, кто не стоял в караулах, расположились на траве вокруг, играя в кости.

Несколько кашеваров помещивали еду в огромных котлах, с завистью посматривая на товарищей. Белов прошел в конюшню, по обыкновению громко выкрикивая имя своего денщика.

– Васька, шельмец, где ты?

– Нету его, барин, – Петр выглянул из стойла, где начищал коня Григория. – Убёг. Сказывал, что на рынок.

– Он же вчера туда ходил?

– И завтра пойдет... – Петр криво усмехнулся.

– Что он там забыл?

– Да так... – мужик махнул рукой и вновь принялся чистить коня. – Вы ж мою Глашку видели? Её и забыл.

– Так Васька что, к ней бегаёт?

– А куда ж еще! То дрова принести в комнату Настасьи Платоновны, то еще чего помочь! Вот за вареньем да ягодами отправились...

Григорий только присвистнул.

– А ты что? – спросил он у Настасьиною мужика, вдруг вспомнив, что Глаша приходится тому племянницей.

– А я ничего. Дело-то молодое! Васька ваш к девке с уважением, ну и мне спокойно! – Мужик утер рукавом пот, выступивший на лбу, и продолжил чистить коня. – Так что, почитай, я у вас за денщика покамест буду, коли вы не возражаете...

Григорий пристально взглянул на неожиданного слугу:

– Петр, верно?

– Он самый...

– Пойди сюда!

– Барин? – Петр вышел из стойла, делая вид, что отряхивает щетки. Григорий слегка помедлил.

– Племянница твоя тебе на денщика моего жаловалась? – спросил он.

– Чего ей жаловаться? Васька ваш получше многих наших будет! Так что, коли сладится у них все – лишь рад буду. Токма вы б разрешение жениться дали.

– Я-то дам. – Григорий слегка обрадовался такому повороту разговора, – А вот хозяйка твоя...

– Настасья Платоновна против Глашкиного счастья возражать не будет! – уверенно заявил Петр.

– Ты ее так хорошо знаешь?

– Так барыня, почитай, на моих руках и выросла. Сестра моя сперва ее кормилицей, а потом и няней была.

– А с матерью ее что приключилось? – Белов решил не упускать момента и расспросить слугу о невесте.

Тот вздохнул и перекрестился.

– Преставилась она. Роды тяжелые. Ни она, ни ребенок не выжили... Настасье нашей тогда всего семь лет было.

– И что, её отец так и не женился?

– Платон Сергеич? Нет. Ему вся это суета ни к чему была, – Петр вновь вздохнул. – Так и остался вдовствовать, а

дочь, как подросла, на хозяйстве.

Мужик помолчал и вдруг добавил:

– Вы на нее не серчайте, коли что. Она барышня хорошая, токмо своевольничать привыкла...

– А с чего ты взял, что я на нее осерчать должен? – оскорбился Белов.

– Так она ж своим характером кого угодно доведет! – охотно воскликнул Петр. – Нрав-то у нее мужикам фору даст!

– Это точно, – пробурчал Григорий, вспомнив последний разговор под дубом.

– Так вы внимания на ее слова-то не обращайтесь, – оживился мужик. – Барин наш так и делал... правда, он и в имении не частым гостем был!

– А помещьем кто заправлял?

– Настасья Платоновна и заправляла... Так что коли она вам указывать начнет, вы не спорьте, потом просто сами сделайте, как вам нужно.

Григорий озадаченно посмотрел на Петра, а потом расхохотался, внезапно осознав всю абсурдность этого разговора.

– Ладно, будет, – отсмеявшись, он вытер слезы тыльной стороной ладони. – Вот что, Васька появится, ко мне пришли! А пока – свободен!

И Белов, все еще усмехаясь, направился в свои комнаты.

Глава 7

Когда Настя вбежала в комнату, её соседка уже вернулась с дежурства у императрицы. Переодетая в домашнее, Лизетта сидела на своей кровати и расчесывала волосы, с интересом посматривая на сновавшего у печи Ваську.

При виде Насти фрейлина хитро улыбнулась и в наигранном изумлении приподняла брови, кивая на денщика Белова.

– Василий, – строго окликнула его девушка. – Ты что здесь делаешь?

От неожиданности парень подскочил и ударился затылком о край печи. Охнув, Глаша подскочила к нему.

– Сильно?

– До свадьбы заживет! – парень встал и весело посмотрел на Глашу, потом перевел взгляд на сердито хмурившуюся Анастасию. – Печь у вас засорилась, дымила шибко, вот я и глянул. Дымоход еще прочистить надо, и порядок.

– Его с крыши прочищают, – холодно заметила девушка.

– Так сначала посмотреть надобно, вдруг не он! – Васька широко улыбнулся.

– Посмотрел? – продолжила Настя.

– Посмотрел.

– Он?

– Он!

– Вот и ступай в казармы, а нам трубочиста пришли! – распорядилась девушка.

Василий слегка помялся, потом поклонился, весело подмигнул Глаше и вышел.

Девка проводила поклонника расстроенным взглядом.

– Что вы, Настасья Платоновна, на парня напустились, – тихо заметила она. – Он же помочь хотел.

– Ага, в трубу лезть собирался! – фыркнула Лизетта. – Хорошо, вовремя сообразил, что застрянет!

– Он не в трубу, а на крышу, – в запале возразила Глаша и тут же под сердитым взглядом хозяйки ойкнула и залилась краской.

– Аглая! – одернула Настя девку, косясь на фрейлину. – Почему Петра не позвала?

– Не успела. Я только собралась, а Василий навстречу идет. Помощь и предложил.

– Что еще предложил? – поинтересовалась Анастасия.

Глаша с укором посмотрела на хозяйку:

– Настасья Платоновна, зачем вы так! Василий печку нам почистил, дров да воды натаскал, а вы его в шею гнать... на-верняка обидели!

– Глаша, – ахнула Настя, – Да ты...

Она беспомощно посмотрела на Лизетту. Та рассмеялась.

– Будет тебе, Настя, ну влюбилась девка твоя, с кем не бывает!

– Только этого мне еще и не хватало, – обреченно произ-

несла та.

Глаша вновь покраснела, шмыгнула носом и выскочила из комнаты. Настя растерянно посмотрела на хлопнувшую дверь.

– Вот что прикажешь с ней делать?

– Коль крепостная она – выпори да замуж выдай за кого тебе надобно, если свободная девка – по щекам отхлещи, ишь удумала – слезы лить да дверьми хлопать! – фыркнула фрейлина.

– Замуж... да... если бы все так просто...

– А чего сложного? Сказала свое слово и все. А то смотри, Васька же денщик Григория Белова. Каков барин, таков и слуга.

– А что Григорий Белов? – насторожилась Настя.

– Знамо что! – фыркнула Лизетта. – До баб он охоч. Хотя, признаться, они на него сами вешаются. Оно и понятно: хорош собой, статен, роду знатного. Марфа Симоновна, статс-дама² уже, а все по нему вздыхает!

– Так она ж старая... – Настя вспомнила слегка располневшую женщину, проводившую ее к императрице в тот роковой день.

– А Белов и не соглашается амуры с ней крутить! – рассмеялась фрейлина и тут же опомнилась. – Говорят, она на тебя сильно разозлилась...

– Вот как? – Настя постаралась сделать вид, что ее это не

---

² Статс-дама – замужняя женщина, находившаяся в услужении у императрицы.

огорчает, хотя по спине пробежал неприятный холодок.

– Ага. Интересно, за что?

– Её Григорий попросил меня к императрице провести, на аудиенцию, – Настасья поняла, что соседка просто так не отстанет.

– Григорий? Белов?! – Лизетта даже гребень от удивления выронила. – А у тебя что с ним?

– Ничего, – обрубилa девушка и, понимая, что фрейлина не отстанет, пояснила. – Его сестра – подруга моей наставницы. Вот та и попросила помочь... отец у меня... в остроге...

– Погоди, так ты дочь того самого Збышева? Которого за заговор взяли?

– Да. Только не заговорщик он, – Настя вздохнула. – Выпить он любит. В Питерсбурх по делам приехал. А тут и завертелось... Ты не думай, государыня по окончании следствия его отпустить обещала, а меня во фрейлины взяла.

– Повезло отцу твоему, и тебе тоже... С чего только такая милость? – Лизетта зевнула и потянулась, – Ох, притомилась я! Государыня сегодня всю ночь в карты играть изволила, лишь к заутрене остановилась и уже после спать ушла.

– Она что ночью не ложилась? – ужаснулась Настя.

– Конечно! Привыкай. Здесь всегда так. Елисавета Петровна заговора боится. Все перевороты ранее ночью свершались, вот императрица наша ночами и гуляет. И весь двор вместе с ней. Так что сегодня отоспись хорошенько – тебе же завтра на дежурство. – Лизетта скинула домашнее пла-

тье, бухнулась на колени у образов, быстро перекрестилась и юркнула под одеяло.

Настя вздохнула и вышла, чтобы не мешать соседке.

Глашу хозяйка нашла в самом темном углу коридора. Та сидела, упрямо глядя в одну точку и надув полные губы.

– Ты что это, Глаша, позорить меня решила? – строго спросила Анастасия.

– Отчего ж сразу позорить? – спросила та, вставая и с укором смотря на свою хозяйку. – Василию Белов наказал нам помогать, вот он и старается, а вы...

– Белов, говоришь, наказал? – разозлилась Настя. – Ты хоть ври, да не завирайся!

– Настасья Платоновна, да где ж я вру? – девка перекрестилась. – Ей-богу Васька мне сам про то сказывал!

– А ты, дура, и поверила?

– Поверил, не поверила, – та махнула рукой. – Надоело мне в девах ходить, да и вам давно замуж пора...

– Ах ты!.. – Настя даже задохнулась от гнева. – Думай, что говоришь!

Не сдержавшись, она дала девке пощечину, Глаша ахнула, схватилась за полыхавшую щеку и, громко всхлипывая, выскочила прочь из дома, хлопнув дверью.

– Глаша! – сообразив, что наделала, девушка хотела кинуться следом на крыльцо, но из соседней комнаты высунулась недовольная Дарья.

– Збышева, ты что тут шумишь?!

– Глаша у меня... убежала, – покаялась Настя.

– Да ты что? – Даша всплеснула руками. – Совсем?

– Нет, я... – девушка махнула рукой, не желая посвящать посторонних в свои отношения со слугами. – К Петру она побежала, дяде своему.

– Ааа... – Даша зевнула. – Ежели без твоего согласия, как вернется – выпори, чтоб неповадно было, или за косу оттащай.

– А если с ней по пути что случится? Или в самих казармах?

– В каких казармах? – сон фрейлины как рукой сняло.

– Преображенского полка, – пояснила Настя. – Петр там. Его Григорий Белов к себе взял.

– Бело-о-ов? – ахнула Дарья. – А ему-то твой Петр зачем?

– Григория сестра просила, Софья, – Настя второй раз пересказала уже готовую легенду.

– Вот как? Значит, Софья Петровна тебе покровительствует? А мы-то все гадали, как ты фрейлиной стала! – развеселилась Дарья. – Ну, Настасья, далеко пойдешь! Смотри, как бы замуж за Гришку нашего выходить не пришлось! Тебя тогда точно девки наши со свету сживут!

Она весело рассмеялась собственной шутке, Настя в ответ лишь грустно улыбнулась. Заметив это, фрейлина оборвала свой смех.

– Ты чего такая смурная?

– За Глашу беспокоюсь, – ответила Настя, желая сменить

тему разговора. – Что, если её в казармах кто обидит?

– Значит, сама дура! – Дарья пристально посмотрела на Настю. – Что ты с ней, как курица с цыпленком! Она ж крепостная!

– Выросли мы вместе. Её мать моей кормилицей была... и потом все нянчилась.

– А, ну разве... – Дарья опять зевнула. – Тогда не денется никуда девка твоя. Вернется. Или дядя её приведет. Вообще не понимаю, за какой надобностью ты ее с собой взяла?

– Нельзя ей было оставаться. Сосед у нас... до таких девок охоч.

– До таких девок все охочи! Подол задрал и вся недолга, это ж не с благородной дело иметь! – заметила фрейлина.

– Так что, думаешь, за ней идти надо? – испугалась Настя.

– В казармы? Ты с ума сошла! И себя погубишь, и девку свою не спасешь. Сиди здесь. Вернется она жива-здоровехонька.

– С чего ты уверена?

– Так её ж с денщиком Белова видели! Почитай, амуры у них случились!

Настя вздохнула:

– Амуры, твоя правда.

– Ну, так все уже знают, что она с ним, а с людьми Белова никто связываться не будет. Григорий, когда шибко злой, так и прибить может ненароком!

– И что же, все так и оставить?

– Если не хочешь девку свою замуж отдавать, поговори сама с Беловым, пусть денщика своего прижмет!

Настя задумалась. Ей не хотелось лишний раз встречаться с Григорием, но с другой стороны...

– Наверное, ты права, – наконец протянула девушка, заметив, что Дарья выжидающе смотрит на нее. – Надо к нему гонца послать.

– Вот еще выдумала! Григорий завтра в наше время на караул заступит. В офицерской будет. Это от фрейлинской недалеко. Там все и выяснишь!

– А ты откуда знаешь, что он на карауле будет? – опешила Настя.

– Ой, Настасья, вот сразу видно, деревенская ты! – рассмеялась Дарья. – При дворе все про всех знают! Тем более Головина за Беловым почитай месяц бегала, проходу не давала. Мы уже все его дежурства выучили!

Она вновь отвернулась к зеркалу и внимательно посмотрела на цветок в волосах.

– Нет, уберу от греха подальше. Лопухину вон, государыня по щекам отхлестала, цветок с локонами срезала, а потом и вовсе в Сибирь отправила! До сих пор аресты идут.

При упоминании об арестах, Настя невольно вздохнула. Мысли вернулись к отцу. Каково сейчас Платону Збышеву в остроге сидеть?

О тюрьме Настя имела весьма слабое представление. Знала лишь, что там темно и сыро. Впрочем, Елисавета Петров-

на дала понять новой фрейлине, что с отцом особо лютовать не будут. Может, и не так все плохо. К тому же следовало признаться в этом и самой себе, отцу было даже полезно побывать в остроге. Глядишь, и выпивать станет меньше.

– Что-то ты совсем закрутила, – заметила Дарья, выпутав розу из прически. – Пойдем во дворец! Там обед должны готовить, государыня блан-манже заказывала, значит и нам достанется! Только плащ захвати – вдруг дождь будет!

Настя нерешительно посмотрела на фрейлину.

– Даш, ты иди, а я потом схожу...

– Из-за девки своей переживаешь? – догадалась фрейлина.

– Да. Я ж никогда руку на слуг не поднимала, кроме пьяниц беспробудных, да одного мужика, кто жену поколачивал, выпороть приказала, чтоб неповадно было, а тут... – Настя закрыла лицо руками. – Господи, за что мне все это?

– Ты это что, опять плакать решила? – ахнула Дарья. – Нашла из-за кого! Так, пойдем! Поешь, там все и образуется.

Фрейлина буквально потащила Настю за собой ко дворцу.

Глаша появилась как раз после обеда. Вернее, когда Настя вернулась, крепостная была уже в комнате, тихо сидя на сундуке, который так и остался стоять у стены.

При виде хозяйки девка вскочила с сундука, где сидела, и с мольбой посмотрела на барыню.

– Анастасия Платоновна, простите... – тихо произнесла она.

– Глаша, это ты меня прости, – оборвала её Настя.

Девушки еще раз взглянули друг на друга и всхлипнув, кинулись друг другу в объятия.

– Пойдем отсюда, – предложила Настя, когда слезы потухли. – Не ровен час, Лизетту разбудим.

– Да её из пушки не добудиться, – фыркнула Глаша. – Вы б Настасья Платоновна, тоже прилегли! Говорят, дежурство у государыни тяжкое!

– Ты же знаешь, что я не усну, – возразила Настя. – Особенно сейчас.

– Хотите, я вам чай заварю? – не дожидаясь ответа, Глаша вскочила и захлопотала: достала из малого сундука мешочек с травяными сборами, заварила чай.

Про Василия больше не говорили. Чай действительно успокоил Настю. Глаша расплела хозяйке волосы и долго расчесывала их, пока та окончательно не сморило.

Проснулась Настя от шума. Она открыла глаза и долго пыталась сообразить, который час.

Дни были пасмурные и почти сливались с такой же светло-серой летней ночью, которую все называли «белой».

Лизетта уже поднялась и теперь сидела за небольшим столиком, распивая чай. Судя по запаху, один из Настиных травяных сборов.

Девушка бросила быстрый взгляд на стол, стараясь определить, какой именно, но в тусклом свете ей плохо было видно мешочки, разложенные Глашей на столе.

– Проснулась? – услышав шорох, Лизетта обернулась. – А я вот похозяйничать решила, чай заварить из трав. А то у государыни все кофей да вино...

– Ты что, сама? – ахнула Настя, подскакивая к столу.

Девушка слегка побледнела: некоторые сборы она делала сама, вкладывая в них свою магию, чтобы усилить действие трав. И если Лизетта взяла один из этих, то последствия могли быть самые непредсказуемые.

– Конечно сама, девка твоя куда-то выбежала. Или ты против?

Быстро пробежав глазами по холщовым мешочкам, Настя выдохнула. На столе лежали лишь обычные укрепляющие силы сборы.

– Нет, только в следующий раз лучше спрашивай, – сказала она. – Тут травы разные. Не дай Бог, потом как живот прихватит, и будешь вместо фрейлинской в кустах восседать.

Она быстро собрала мешочки, оставив на столе всего один, с самым простым сбором. Лизетта с опаской покосилась на чашку.

– Да ты пей, – Настя улыбнулась. – Эти безобидные.

Она тоже налила себе душистый отвар. Фрейлина придвинула ей блюдо с сушками.

– Вот, держи! У меня нянюшка так любила чаевничать. Говорила – попьешь чай, и все проблемы уйдут...

– Спасибо, – Настя вгрызлась в сушку. – Вкусная!

– Я их у бабки Нюши на рынке беру. Моя Манька бегает,

когда время есть. Потом Глаше твоей покажет, у кого.

– Манька? – переспросила Настя.

– Девка моя, горничная. Я её сейчас в услужение к Голицыной отправила. Уж больно Манька ей приглянулась. Оно и понятно: причёски такие делает, ни один куафюр не сравниться, а мне деньги нужны.

Настя кивнула головой. Она была наслышана, что многие дворяне отдавали своих крепостных в услужение или на заводы, получая за них ежемесячно причитающийся заработок.

– Так что мне должны из дома скоро новую прислать, – продолжала Лизетта. – А пока можно я твоей Глашей попользуюсь?

Настя задумчиво помешала ложечкой свой чай. Ей не нравилась бесцеремонность соседки, но и наживать врага на новом месте девушке не хотелось. Достаточно было одной Марфы. А ведь ещё был Белов, всеми силами старавшийся исполнить приказ Елисаветы Петровны.

– Знаешь, Глаша у меня девка своенравная, как бы конфуза не случилось. Ты мне лучше говори, что надо, я ей поручать буду, если она не будет мне самой нужна, – осторожно предложила Настасья.

– Да? ну ладно, почитай и договорились! – Лизетта слегка натянуто улыбнулась, явно разочарованная ответом соседки.

Они ещё немного поговорили ни о чем, пока в дверь не постучалась Дарья.

– Вы идете? – она заглянула в комнату.

– Куда?

– Так сегодня же у Самсона оперу поют! – изумилась фрейлина и посмотрела на Лизетту. – А ты не сказала?

– Нет, не успела, – отмахнулась та.

– Ну вот. Настасья, одевайся, пойдем!

– Так я одета, – девушка недоуменно посмотрела на свое платье.

– Ты же в этом днем была! – возразила Дарья. – Кто вспомнит, государыне доложит, а Елисавета Петровна этого страсть как не любит!

– Тогда, может, мне и вовсе не ходить?

– Ага. Указ петровский вспомни: кто театру без причины пропустит, того батогами бить!

– Будто кто меня заметит, – отмахнулась Настя. Идти вновь в парк и мерзнуть на ветру не хотелось.

– Марфа наверняка. Она ж на тебя злая... ужас как! – фыркнула Лизетта, – Нет уж! Одевайся и пойдем.

– У меня платья еще не готовы, – призналась Настя.

– Да? Тогда я тебе свое дам. Сейчас! – Дарья убежала, прежде чем девушка успела возразить, и вскоре появилась, неся в руках ворох голубой, расшитой серебром ткани. – Вот, мне маловато, а тебе в самый раз будет!

– Что, Дашка, разъелась на государевых харчах? – хмыкнула Лизетта.

– Я ж амуры не кручу, по офицерским комнатам не бе-

гаю! – беззлобно отпарировала та.

– Ты это на что намекаешь?

– А кто с Воскресенским вчера в альковах прятался? Что, Лизка, небось целовалась?

– Ой, сама-то! – Фыркнула Лизетта. – Три кадрили кто с поручиком Апраксиным на прошлой неделе танцевал, а опосля по парку гулял? Левшин потом еще злой, как черт, ходил!

– Мы с Павлом Ивановичем фейерверхи смотрели! А Левшин на себя берет много. Я ему преференций не давала! – запротестовала Дарья, примеряя на Насте свое платье. – Лиз, фижмы свои дай, они попышнее будут, а то подол по земле волочится!

– Ага, – та порылась в своем сундуке, извлекая на свет пышные обручи. – Вот! На китовом усе!

– Я ж в них в дверь не пройду, – ахнула Настя.

– Пройдешь. Руками с боков сдавишь, и вся недолгá! – отмахнулась Дарья.

Не слушая более никаких возражений, фрейлины быстро надели на притихшую подругу платье.

– Теперь волосы наверх убрать, гребнем заколоть, а у виска выпустить! – Дарья легко причесала Настю. – Пудрить не будем, не успеваем! Губы покусай, а то бледные!

Лизетта с готовностью протянула соседке небольшое зеркальце. Настя взглянула на свое отражение и ахнула: из зеркала на нее смотрела просто красавица. Воздушные кружева

обрамляли хрупкие плечи, а голубой шелк платья подчеркивал яркость глаз. Не в силах отвести взгляд, девушка покружилась сперва в одну сторону, потом в другую...

– Настасья, хватит! – окрик Дарьи заставил оторвать взгляд от отражения. – Пойдем, не то опоздаем!

Настя нехотя положила зеркало на сундук Лизетты и поспешила за подругами.

Около Самсона уже толпились придворные, чуть поодаль, у канала собрались слуги, тоже желавшие послушать итальянских певцов, приглашенных государыней «для просвещения народного».

Сами исполнители расположились на ступенях каскада, среди золоченых фигур.

Обе фрейлины, сопровождавшие Настю, бесцеремонно вклинились в толпу придворных, расталкивая локтями тех, кто замешкался, и пробираясь ближе к фонтану.

– Даш, а вода где? – тихо спросила девушка.

– А, так это... шлюз закрыли, – ответила та, радостно махая высокому шатену в военном мундире.

Поручик Апраксин, сообразила Анастасия, вспомнив перепалку соседок по комнате. Шатен улыбнулся и поспешил к девушкам.

– Мамзели, – он поклонился и заинтересованно посмотрел на Настю. – Могу просить представить меня сей дивной розе?

– Поручик, ваша галантность меня изумляет, – Дарья ко-

кетливо улыбнулась, демонстрируя ямочки на щеках. – Сия роза – Анастасия Платоновна Збышева, новая фрейлина её величества. Настасья, перед тобой завязтый ловелас, поручик лейб-гвардии Семеновского полка Михаил Апраксин.

– Покорён! – тот поклонился Насе и щелкнул каблуками, после чего, дождавшись ответной улыбки и кивка, вновь обернулся к Дарье. – Позвольте сопровождать вас на сей феерии?

– Конечно, – Дарья оперлась на предложенную мужчиной руку.

Апраксин достаточно быстро устремился вперед, подводя девушек к своим приятелям, уже стоящим у фонтана. Последовал обмен любезностями. Слегка оробевшая от суеты, Настя то и дело ловила на себе восхищенные взгляды приятелей Апраксина.

Не привыкшая к такой откровенной заинтересованности со стороны мужчин, Настя отступила за кокетничавшую напропалую Лизетту.

– Вы слышали, что сегодня петь будет сам Маттиоли? – обратился к ней один из офицеров.

– Нет, – девушка смущенно улыбнулась и подавила в себе желание поддернуть уж очень глубокий вырез платья.

Не желая привлекать к себе еще больше внимания, она сделала вид, что рассматривает рассаживающихся на огромной террасе музыкантов.

– Дирижировать ими будет Джованни Мадонис, концерт-

мейстер её величества, – продолжал офицер, склоняясь к уху Насти так, что она чувствовала на коже его горячее дыхание.

От мужчины пахло табаком. Резкий запах забивал нос. Девушка поморщилась и постаралась отстраниться, насколько это было возможно. Она беспомощно оглянулась на подруг, но они были заняты, флиртуя со своими кавалерами.

Сама государыня со своими приближенными расположилась на балконе дворца. Заметив, что Настя бросает туда любопытные взгляды, офицер обрадовался представившейся возможности и начал пояснять:

– По правую руку от государыни стоит Рассумовский. За ним – две статс-дамы. А старик по левую руку – вице-канцлер Бейстужев, он еще сподвижником самого Великого Петра был.

Говоря, он вновь ближе придвинулся к девушке, и той опять пришлось отойти в сторону. Теперь её и подруг разделяла толпа. Не желая вновь расталкивать людей, Настя предпочла остаться на своем месте. Офицер придвинулся еще ближе. Косясь на него, девушка судорожно пыталась вспомнить его имя.

Звуки музыки возвестили о начале концерта. На террасу ступил невысокий полноватый мужчина, звучным голосом запевший что-то на итальянском языке. Хотя в монастыре Настя и учила языки, но мужчина пел так пронзительно, что разобрать удавалось лишь слово «амур». Судя по всему, речь шла о любви.

Чтобы избежать очередного пояснения своего кавалера, девушка сделала вид, что увлечена музыкой. К мужчине вышла женщина и запела низким грудным голосом.

— А это Фельтон. Говорят, его в детстве кастрировали, чтобы сохранить голос, — хмыкнул Настин сопровождающий.

Не в силах сдержать изумление, девушка обернулась.

— Как? Это — мужчина?

Она вновь скользнула взглядом по стройной фигуре в пышном платье, богато украшенном камнями и золотым шитьем.

— Ага, — офицер, весьма довольный тем, что сумел привлечь внимание, вновь наклонился к девушке. — Ежели с вас достаточно оперы, не желаете ли пройтись по алее, посмотреть фейерверх. Его вот-вот запускать будут!

Настя хотела уже согласиться, но вдруг вспомнила разговор Лизетты и Дарьи в фрейлинском доме.

— Я бы хотела дослушать, — девушка улыбнулась и вновь повернулась к сцене. Певцы продолжали выводить свои рулады.

Вскоре у Насти, непривычной к такому пению, разболелась голова, а ноги от длительного стояния затекли и замерзли. Девушка невольно оглянулась, гадая, как лучше выбраться из толпы, все еще окружавшей её.

Офицер понял намерение своей спутницы и, ухватив девушку за локоть, повел за собой, бесцеремонно расталкивая попадавшихся на пути людей.

– А как же Дарья и Лиза? – попыталась возразить Настя. Мужчина сделал вид, что не услышал. Выбравшись из толпы, девушка попыталась вырвать руку, но провожатый крепко держал её.

– Я же обещал вам показать самое лучшее место для фейерверха! – радостно провозгласил он, увлекая Настю за собой по длинной прямой аллее, засаженной липами.

– Я не хочу! – девушка попыталась остановиться, её спутник лишь весело хмыкнул.

– Вам непременно понравится! Там, под сенью дубов и лип соединим уста в союзе! – продекламировал он.

– Что? В каком еще союзе! – возмутилась Настя. – А ну пусти, окаянный! А то сейчас как по уху дам!

Офицер рассмеялся и хотел сказать что-то дерзкое, но тяжёлая рука легла ему на плечо.

– Сева, не балуй! – попросил Белов, выступая из тени деревьев.

– Гришка, ты чего? – обиженно произнес тот, недоуменно смотря на знакомца.

Они не раз вместе ходили в караулы, часто гуляли вместе с фрейлинами, и теперь поведение Белова было непонятно.

– А ничего. Девушку отпусти. Ей моя сестра протезирует.

– А... ну, так бы и сказал... – Сева безропотно разжал руку и поклонился Насте. – Вы это, барышня, извиняйте, если что не так!

– Ступайте уже! – устало отозвалась она.

Семеновец еще раз поклонился и направился обратно, к фонтану, откуда доносились музыка и смех, но сама аллея была темная и безлюдная.

Настя стояла и почему-то избегала смотреть в глаза преобразенцу.

– Смотрю, тебя ничто уму не учит, – проворчал он, усмехаясь. Не выдержав, девушка вскинула голову и с изумлением заметила, что Григорий улыбается, – Уже ж сходила со мной под руку к государыне! Зачем тебе теперь с Севой гулять понадобилось?

– Ты на что это намекаешь? – оскорбилась Настя.

Чувство признательности за своевременную помощь сразу же испарилась.

– Ни на что, – Белов пожал плечами. Улыбка сошла с его лица. – Хочешь или нет, засватана ты, Настасья, а я не потерплю, чтобы моя невеста с офицерами по кустам разгуливала!

– Да ты! Сам-то хорош! Сплошные амурь! Мне про тебя фрейлины все порассказывали!

– И что же они рассказывали?

– Как ты по девкам бегаешь!

– Ну, коли девка сама в кусты идет... грех не воспользоваться! – разозлился Григорий.

Он ожидал благодарности за помощь, а не упреков. Да и сама Настя была хороша! Разодетая, с ярко сияющими серо-голубыми глазами, она невольно привлекала внимание

мужчин, охочих до всего нового.

Белов достаточно долго смотрел, как она, стоя у фонтана, улыбалась сопровождавшему её Севе. А тот аж из кожи вон лез, стараясь угодить. Ну ничего, теперь он поостережется, да и остальные, впрочем, тоже: весть о том, что Насте покровительствует сестра Григория быстро разлетится среди офицеров.

– Я не сама! – вдруг как-то жалобно возразила Настя. – Я просто уйти хотела, они так пронзительно на итальянском верещали, что голова разболелась! Я из-за этого и Севу твоего оттолкнуть не могла!

Белов с изумлением посмотрел на нее и вдруг расхохотался.

– Ты только государыне это не говори, – посоветовал он, – А то с тебя станется!

Настя лишь поморщилась и невольно потерла нывший все сильнее висок. Смех лишь усилил боль. Голову словно сдавливал железный обруч. Григорий заметил это.

– Сильно болит? – вдруг с сочувствием спросил он.

Настя упрямо мотнула головой, при этом закусив губу. Если Белов сейчас уйдет, она сможет попытаться воспользоваться своей силой. Правда, на себе получалось плохо. Но Григорий не уходил. Наоборот, подхватив девушку под руку, он провел её к ближайшей скамейке, усадил и сам сел рядом.

– Посиди просто, – спокойно сказал он. – поутихнет, я тебя до дому провожу.

Девушка лишь скривилась, но, к её удивлению, Григорий оказался прав. Вдали от шума, боль утихла. Настя выдохнула и украдкой взглянула на сидящего рядом гвардейца.

– Прошло? – он повернулся к девушке, как ни в чем не бывало.

К губам прилипла травинка, которую Белов только что жевал. Настя вдруг отметила, что губы у преображенца, что у статуй на каскаде, лепные, а на гладко выбритом подбородке – небольшая ямочка.

Заметив, что гвардеец смотрит на нее настороженно, девушка протянула руку, неловко смахнула травинку с губ, задев пальцами теплую кожу.

– Тебя что, в казармах не кормят? – неловко пошутила Настя.

– Кормят. Коли к ужину являюсь, – ответил Белов.

Голос звучал напряженно. Он не сводил своего звериного взгляда с девушки. Настя поежилась, вспомнив, что так же смотрят волки.

Она несколько раз встречалась с ними в лесу, животные её не трогали, видимо, чуя спящую в ней силу. При мысли, что преображенец наполовину зверь и тоже мог почуять её сущность, Настя похолодела.

– Тогда чего траву жуешь? – прошептала она лишь потому, что этот вопрос был заготовлен.

– Да так, задумался, – Григорий вздохнул. – Я к государыне ходил. Она обещала про приказ не рассказывать и сроку

нам месяц дала.

– Долго как, – вздохнула Настя, понимая, что ей тяжело будет месяц скрывать свою тайну.

Итак вон, два раза уже чуть силой не воспользовалась, да и у самого Белова чутье звериное.

– Долго? – удивился гвардеец, – Отчего ж долго?

– Плохо мне здесь, Гриша. Я словно в темнице золотой, отец мой в остроге... – огромные серые глаза посмотрели с мольбой. – Давай мы обвенчаемся, и уеду я с отцом.

– А я?

– А ты быстро утетишься, – Настя с удивлением заметила, что лицо преображенца будто окаменело.

– Вот значит, как, – процедил он. – Смотрю, ты уже все решила! И за себя, и за меня!

– А чего тянуть? – девушка пожалала плечами. – Ты сам говорил, что не избежать нам свадьбы...

Белов в ответ лишь скрипнул зубами.

– Знаешь, что, – произнес он, почему-то сжимая кулаки. – Коль я так тебе не мил, что ж ты со мной здесь сидишь?

– Ты же сам... – Настя растерянно захлопала глазами. – Гриша, ты что, обиделся?

– Нет! – рявкнул он, почти срываясь на рык.

Девушка вздрогнула и хотела спросить еще что-то, но Белов вдруг замер, по-звериному пристально всматриваясь в сумеречный парк. Верхняя губа подрагивала, словно гвардеец пытался оскалиться.

– Ты чего? – спросила девушка, касаясь руки преображенца.

Он стремительно обернулся, звериные глаза так яростно сверкнули, что Настя вскрикнула. Белов заморгал и тряхнул головой. Потом виновато покосился на девушку.

– Испугалась? – слегка хрипло спросил он.

– Н-н-нет, – Настя прикусила губу, понимая, что голос дрожит, потом вновь посмотрела на Григория и все-таки покаянно призналась. – Испугалась. Глаза у тебя...

– Волчьи! – хмыкнул он. – Так ты их и раньше видела!

– Они не такие были, – возразила Настя. – Ты ими сейчас так сверкал... аж мурашки по коже!

Белов довольно ухмыльнулся. Было видно, что слова девушки ему приятны.

– Ты не бойся, я тебя не трону, – пояснил он. – Мы при преобразении разум не теряем.

– А ты преобразиться хотел? Обернуться то есть? – ахнула девушка. – Но... зачем?

– Да так. Не бери в голову, – отмахнулся Григорий. – Показалось.

– Ты же почуял что-то? – настаивала Настя.

– И откуда ты такая догадливая? – Белов с наигранной досадой взглянул на девушку. – Только вот не там, где надо!

– А где надо?

– Да хоть с Севой с тем же! Вот почто ты с ним в парк пошла?

– Да не ходила я! – возмутилась Настя. – Он сам меня потащил! Я вырваться пыталась! Вот те крест!

– Не горячись, видел я все, почему и вмешался, – Григорий с интересом посмотрел на девушку. – Слушай, а ты и вправду бы Севе в ухо дала?

– Не знаю, – та пожала плечами. – Если бы не отстал, пришлось бы.

– Смотри-ка, это ж и мне тебя опасаться придется! – усмехнулся Григорий и протянул руку, – Пойдем!

– Куда?

– Ясно дело, до казарм меня проводишь! Если кто нападет – в ухо двинешь! – рассмеялся гвардеец и, заметив, что Настя обиженно засопела, поспешно добавил. – До дому тебя провожу. Ночь все-таки, мало ли кто на пути встретится.

Понимая, что отказываться глупо, девушка оперлась на предложенную руку. Белов направился к выходу, стараясь идти так, чтобы Насте не приходилось бежать.

Избегая шумной толпы, все еще веселившейся у каскада, Григорий направился к спуску, предназначенному для лошадей.

Внезапно Настя остановилась. Спину прожег злой взгляд. Девушка обернулась, но аллея была пуста.

– Настя, ты что? – поторопил Белов.

– Да показалось, – пробормотала она и чувствуя, что голова вновь начинает болеть, добавила чуть громче. – Похолодало-то как. Пойдем быстрее!

Преображенец нахмурился, но не стал возражать.

Глава 8

Григорий проводил невесту до порога фрейлинского дома, наказал закрыть дверь и убедился, что засов громыхнул, после чего поспешил обратно в парк.

Караульные у ворот при виде Белова вытянулись в струнку. Он не обратил на них внимания, почти бегом спускаясь по той самой аллее, по которой они с Настей недавно поднимались. Мимо проехал конный дозор.

– Гришка! Белов! – окликнул его один из всадников. – Куда так спешишь?

– Сашка, – гвардеец притормозил и посмотрел на друга. – Извини, не признал! Ты что ль сегодня в карауле?

– Я с Алымовым поменялся, – тот придержал гарцующего коня. – А ты что здесь бродишь? Опять амуры?

Белов вздохнул. Сашка Левшин был одним из немногих, с кем Григорий действительно водил дружбу.

Невысокий, темноволосый, Левшин, выходец из Малоруссии, сбежал из дому и поступил в кавалерийский полк, где и служил весьма успешно. С Григорием они познакомились в Красном кабачке, сначала предаваясь обильным возлияниям, потом отражая нападение кого-то из семеновцев. Драку разняли, все участники сего непотребства попали на гауптвахту, откуда Белов и Левшин вышли уже друзьями не разлей вода.

– Почти, – врать другу не хотелось.

– Тогда что? – почувствовав, что друг не договаривает, Левшин моментально насторожился.

Белов поколебался, а потом признался.

– Не знаю, Саш. В той части парка было что-то. Может, привиделось. Как рыбиной ледяной вдоль хребта провели.

– Поехали, посмотрим? – Левшин сделал дозору знак развернуть коней.

Григорий покачал головой:

– Нет. Я сам схожу.

– Гриш... – приятель заколебался.

– Сашка, я ж преображаться буду. Всех коней вам распу-гаю! – фыркнул Белов. – Здесь останьтесь. Если что – позову.

Левшин хотел возразить, но встретился глазами с пристальным волчьим взглядом и кивнул. Григорий усмехнулся и направился к ограде парка, за которой располагался Зверинец – охотничьи угодья императрицы.

Свернув с аллеи, гвардеец юркнул в кусты, уже в прыжке он чувствовал, как вытягивается его тело, превращаясь в звериное.

Этим мгновенным преображением все они были обязаны Якову Брюсу. Именно он, кудесник из Сухаревой башни, в давние времена придумал обряд, позволяющий избежать долгого и болезненного превращения человека в зверя.

Миг, и молодой волк вынырнул из кустов. В нос ударил сонм запахов. Теперь было прекрасно слышно, как у Самсо-

на продолжается веселье. Белов различил голос Елисаветы Петровны и вильнул хвостом – преданность волков императрице была безгранична.

Государыня рассмеялась, и гвардеец подавил в себе щепотку восторга кинуться к ней. Напротив, он неспешно потрусил туда, где они сидели с Настей. Голоса теперь звучали совсем тихо и почти не отвлекали. Зверь повел носом, ища следы.

От скамейки все еще пахло свежестью, точно родник в лесу. К этому примешивался запах мяты и еще чего-то, заставившего волка задрожать всем телом. Захотелось бросить все, перемахнуть через забор и приблизиться к заветному крыльцу фрейлинского домика. И там...

Глухое ворчание вырвалось из глотки. Зверь отряхнулся, прогоняя греховные мысли, и закружил по поляне, рыская в поисках другого запаха, так насторожившего Белова.

Запах обнаружился лишь на самом краю поляны. Еле уловимый, он заставил вздыбить шерсть на загривке. Из пасти вырвался глухой рык.

Волк уткнулся носом в траву и уверенно потрусил к заливу. Следы привели на самый берег.

Белов покосился на свинцово-серые воды, невысокие волны, плещущиеся о камни, вздохнул. Лезть в воду свершено не хотелось, но забор, ограждавший парк от Зверинца уходил в воду. Он был составлен из тонких заточенных пик, отбивавших охоту пытаться перепрыгнуть его или же пере-

лезть.

Преображенец заколебался. Можно было вдоль забора вернуться к воротам, открыть их и пройти посуху, как вдруг он услышал несколько вскриков. Резкий солоноватый запах теплой крови ударил в ноздри, будоража зверя.

Григорий, не задумываясь более ни минуты, кинулся в холодную воду залива. Из-за дождей воды прибыло и лапы едва достигали дна. В несколько прыжков Григорий обогнул ограду и, даже не отряхнувшись, устремился вперед.

Гул в ушах нарастал. Зверь в гвардейце бесновался. Кровь. Свежая кровь. Такая теплая и ароматная... Волк скалился в предвкушении. Белову пришлось приложить все силы, сдерживая в себе хищника.

Он опоздал. Тело крестьянина было брошено под раскидистым дубом, вся земля вокруг которого была залита кровью. Мужик лежал на спине, раскинув руки и уставившись безжизненными глазами в темную листву. Живот был распорот, и все внутренности выедены.

Даже находясь в зверином обличье, Белов почувствовал тошноту. Его зверь бесновался, дуря от запаха мертвечины. Волк был голоден.

Григорию пришлось потратить несколько драгоценных минут, умиряя самого себя. Затем он вернулся к трупу и тщательно обнюхал землю, пытаясь найти следы *того* зверя. Обнаружив их, преображенец вновь помчался, прижимая длинный нос к траве. Следы привели к заливу.

Преображенец выругался и с тоской взглянул на белые барашки волн. Оборотень, учинивший беспредел, оказался достаточно умный. Григорий уже не сомневался, что это был волкодлак.

Гвардеец знал о людях, которые пытались раскрыть тайну обряда Якова Брюса. Весь месяц находясь в человеческом обличье, эти люди в полнолуние превращались в монстров, собиравших кровавую жатву людских жизней.

Рыкнув от досады, Григорий направился обратно в парк. Обогнув забор, он отряхнулся и вновь принял человеческий облик.

Мокрая одежда противно липла к телу, но Белов не обращал на это внимание. Быстрым шагом он вышел на аллею и несколько раз пронзительно свистнул. В ответ раздался топот копыт. Застоявшиеся кони вылетели прямо на преображенца.

– Почему так долго? – заметив друга, Левшин осадил коня так, что тот взвился на дыбы. – Гришка, у тебя вся одежда мокрая! Купался что ли?

– А это, да ерунда, время берег, – он махнул рукой, капли сорвались с руки и полетели на траву. – Беда у нас, Сашка...

– Какая?

– В зверинце мужика задрали...

– Кто? Волки?

– Волки... если бы волки... – Белов подошел и, не взирая на всхрапывающего от испуга коня, тихо зашептал другу. –

Волкодлак у нас, Сашка, объявился.

– Свят, свят, свят, – закрестился приятель, перекидывая повод в одну руку. – Ты уверен?

– Да. Лично видел. Иди, своим докладывай, а я к Бутурлину схожу. Нельзя эту пакость так выпустить!

– Хорошо. Где тело указать сможешь?

– Смогу. Если зверь его не забрал.

– А мог?

– А кто его знает? Ты-то знаешь, что без инициации оборот непредсказуем... – Белов вздохнул, вспоминая каких трудов стоило ему самому успокоить разбушевавшегося при виде покойника зверя.

Глаза до сих пор то и дело застилала кровавая пелена, а в ушах шумело. Даже мокрая и холодная одежда, облепившая тело, не могла привести в чувство.

– Ладно, Сашка, пойду я. Ты тоже не мешкай. Как дежурство закончишь, в кабак приходи, мне тебе многое рассказать надобно!

И, не дожидаясь ответа, Белов почти бегом направился по аллее.

Деревянный дом подполковника Лейб-гвардии Преображенского полка Александра Борисовича Бутурлина находился неподалеку от казарм. Дом был построен совсем недавно, как временный, но подполковник, похоже, не собирался пока перестраивать его.

Белов легко перемахнул через невысокий забор, рыкнул

на подбежавшего сторожевого пса так, что тот, пождав хвост, юркнул в будку, и вбежал на крыльцо.

– Семен, открывай!

– Кого это там принесло? – дверь скрипнула, на пороге показался светловолосый мужик в зеленом потертом мундире. – Григорий Петрович? Вы? Случилось что?

– Дело есть. Срочное. Должи, – преображенец шагнул в сени.

– Дык это... – Семен ошарашенно смотрел на мокрого гвардейца. – Александр Борисович...

– Доложи, – звериные глаза ярко сверкнули. Григорий смело прошел в залу, большую комнату, окна которой выходили на обе стороны. – Или я так войду!

Представив себе, что Белов исполнит сказанное, Семен с испугу перекрестился.

– Обождите здесь, – мужик юркнул по коридору дальше в спальню полковника. Оттуда донеслась ругань, затем последовал удар о стену.

– Ты чего? На каторгу захотел?! На завод? – по всей видимости, подполковник запустил в слугу сапогом.

– Александр Борисович, это Белов! – окликнул Григорий. – Отлагательств дело не терпит!

– Проходи!

Белов шагнул в комнату, по пути разминувшись с вылетевшим, будто ошпаренным, Семеном.

Бутурлин сидел на кровати, нахмутив свои густые брови.

Ночной колпак сполз на ухо, открывая светло-русые коротко стриженные волосы. Круглые серые глаза внимательно смотрели на вошедшего офицера.

– Ты чего мокрый? – спросил он.

– Да так, в заливе плавал, – Григорий коротко пересказал случившееся.

Бутурлин слушал, не перебивая. Во время рассказа подчиненного он не задал ни одного вопроса, лишь слегка опустил голову, отчего второй подбородок явно обозначился.

Закончив повествование, преображенец замолчал, выжидающе глядя на командира. Александра Борисовича в полку любили. Старый матерый волк, он служил денщиком самому Петру великому. Поговаривали, что именно он первым прошел обряд инициации, разработанный Брюсом.

Как бы то ни было, командиром Бутурлин был строгим, но достаточно справедливым: при провинности взыскивал по полной, но и с наградой не мешкал. Григорий до сих пор был признателен ему за тот давний случай с сестрой.

– Кто еще знает? – наконец спросил подполковник.

– Левшин. Из конного полка. Он как раз в карауле был.

– Хорошо, – Бутурлин пошевелил своими пухлыми губами и громко крикнул. – Семен!

– Чего изволите, ваше благородие? – тот вновь появился в комнате так быстро, что стало понятно, мужик явно подслушивал под дверью.

– Принеси мне одежду и книгу Святую!

– А книгу-то зачем? – насторожился мужик.

– Клятву давать будешь, – усмехнулся хозяин.

– Ка-какую клятву?

– Что никому не расскажешь, что сейчас слышал!

– Барин! Александр Борисович! – Семен начал истово креститься, – Да чтобы я? Да кому? Да вот вам крест!

– Ладно, ладно, – отмахнулся подполковник. – Гриш, ты меня в зале обожди!

Белов щелкнул каблуками и вышел. Очутившись в зале, он, памятуя, что все еще в мокрой одежде, не стал садиться, а подошел к окну. Судя по слегка розовеющему небу, наступал рассвет. Григорий вздохнул и, услышав шаги, повернулся.

Командир полка, уже одетый в военный мундир, появился в дверях.

– Пойдем, – скомандовал он. – Место покажешь.

В парк они заходить не стали, а пошли сразу в зверинец. Заспанный сторож попытался было возразить, но Бутурлин рывкнул так, что тот сразу же признав подполковника, распахнул ворота.

Белов повел было командира к дубу, но тот и сам шел в нужном направлении, периодически приносясь. Кровью пахло знатно.

Зверь вновь бесновался, пытаясь одержать верх. Григорий то и дело поглядывал на командира, в который раз поражаясь его спокойствию.

– Что, Гриша, волк в тебе лютует? – вдруг спросил тот,

заметив косые взгляды молодого офицера.

– Лютует, Александр Борисович, – признался тот.

– Это по молодости. Коль правильно пару себе найдешь, отпустит!

– Где ж её найдешь? – проворчал Белов, внезапно вспомнив Настю.

Он вдруг вновь ощутил запах свежей мяты у ручья. Волк пристыженно притих. Пелена спала с глаз, и Гриша заметил, что из-за горизонта вот-вот покажется солнце.

Тем временем подполковник вышел к дубу.

Григорий боялся, что волкодлак уберет тело, но загрызенный крестьянин все еще лежал там. Над ним уже начинали кружить вороны.

– Вот ведь напасть! – Бутурлин благочестиво перекрестился. Белов последовал его примеру. – Ладно, Григорий, ступай, поспи хоть, тебе на караул сегодня заступать, а я сейчас кавалеристов наших дождусь, да покумекаю, как государыне доложить.

– Но Александр Борисович! – преображенец попытался возразить, что негоже ему оставлять своего командира одного, но был остановлен грозным рыком.

– Это приказ! Марш в казарму!

– Так точно! – Белов развернулся и направился обратно к воротам, в которые уже, судя по шуму, залетали кавалеристы во главе с Сашкой Левшиным.

– Да, Гриш, – вдруг окликнул его командир. Белов обер-

нулся. – В кустах то ты чего делал? Опять девку обольщал?
– Невесту искал, – мстительно ответил преображенец. – По вашей да государыни рекомендации!

– Ты на меня зубы-то не скаль! – беззлобно фыркнул подполковник. – а то вмиг на цепь посажу! Иди уж! Жених!

Белов кивнул и вновь направился к воротам. Мимо него проскакал отряд кавалеристов, Григорий лишь успел махнуть рукой другу, давая понять, что все договоренности в силе.

К казармам он пришел окончательно продрогший, усталый и злой. Разбудил Ваську, молча разделся и юркнул под одеяло, с наслаждением вытягиваясь на теплых простынях.

Сон пришел почти сразу. Он был путанный, рваный, и Григорий запомнил лишь то, что бежал куда-то, ища столь полюбившийся запах мяты, растущей у ручья.

Глава 9

Утром Настю разбудил стук в дверь. Выбежавшая на стук Глаша вскоре вернулась.

– Настасья Платоновна, платья принесли! Я сказала, чтоб сундук пока поставили у входа. Потом Петр с Васенькой за-
тащат!

При упоминании имени денщика Белова, Настя лишь вздохнула, строго наказав себе переговорить с преображенцем. Девушка оглянулась на сладко спящую соседку, поднялась и, накинув домашнее платье, вышла в коридор.

Глаша уже открыла сундук, доставая оттуда наряд, в котором Насте надлежало заступать на службу.

– Что тут за шум? – Даша вышла из своей комнаты.

– Платье прислали, – как не старалась Настя выглядеть спокойной, она с восторгом рассматривала обновку.

Голубое, с пеной серебряных кружев, должных подчеркнуть изящество рук и груди, фрейлинское платье вызывало у девушки, привыкшей к гораздо более скромным одеяниям, трепетный восторг.

– Что стоишь, – поторопила её Дарья. – Иди у меня оденься, нам скоро на службу заступать.

Сборы заняли гораздо больше времени, чем предполагала Настя. Красавица императрица была большой модницей, часто меняла наряды и требовала того же от всех.

– Мне сказывали, у нее в комнате тысячи платьев! – щebetала Дарья, поправляя свои локоны.

– Говорят государыню никто дважды в одном не видел? – спросила Настя, припомнив то, что ей рассказывали соседи.

– Конечно! Все ткани, что в Питерсбурх привозят, сперва Елисавете Петровне показывают, а уж потом остальным, – Дарья отстранилась, давая подруге возможность посмотреть-ся на себя в зеркало. – Смотри-ка, как тебе голубой к лицу!

Настя лишь улыбнулась, с удовольствием разглядывая себя в небольшое зеркало.

– Шифр приколи, не забудь, не то государыня по щекам отхлещет! – напомнила Дарья.

Глаша охнула и поспешила принести бриллиантовый вензель на голубом банте, который прикалывался к плечу. Следом за крепостной в комнату зашла и заспанная Лизетта.

– О, вы уже собрались! – поприветствовала она подруг, – Настя, а ты чего с представления ушла?

– Да так, голова с непривычки разболелась, – отмахнулась та, не желая рассказывать об очередном вмешательстве Белова. – Слишком уж тонко да звонко певцы рулады выводили!

– Привыкай! – Лизетта села за стол и потянулась. – Ой, девоньки, я вчера с Матвеем своим целова-а-алась! Он, стервец, мне в платье полез, исподнее проверять, я его по щеке ударила, а он меня хватъ и целует!!!

– Хватит байки рассказывать! – фыркнула Дарья, в отли-

чие от Насти совершенно не впечатленная этой речью. – Не давала ты ему по роже!

– А вот и давала!

– Не давала! – Дарья вновь подошла к зеркалу. – Видела я вчера все!

– Когда успела? Ты ж вчера весь вечер от своего Апраксина не отлипала!

– Мы по аллее гуляли! – Дарья повернулась к Насте. – Ну что, готова? Тогда пошли. Лизка, за старшую будешь!

Девушки вышли из дому, и только тогда Настя сообразила, что тучи разошлись, а на небе появилось солнце.

Его яркие лучи сияли, переливаясь на золоченых куполах церковного флигеля. Зеленая листва казалась очень яркой, а цветы на клумбах источали приятный аромат. После промозглой сырости последний дней это было просто волшебством. Настя остановилась, с удовольствием подставив лицо солнцу.

– Ну что замерла? Смотри, потом веснушки сводить будешь! – поторопила Дарья подругу.

– Велика беда! – отозвалась девушка. – Зато солнышко пригревает...

Злой взгляд заставил ее прерваться. По спине вновь пробежал холодок. Настя оглянулась, но вокруг кипела обычная жизнь. Мужики волокли бревно, по дороге медленно ехала телега, груженная кирпичом. На другой стороне улицы разодетый франт пытался перейти по мосткам, не запачкав грязью

зью чулки и туфли. Показалось, или кусты зашуршали...

– Даш, пойдем быстрее, – подхватив удивленную подругу под руку, Настя юркнула мимо караулов в парк.

Остановилась она лишь во дворце.

– Настасья, ты чего сегодня такая заполошная? – спросила Дарья, слегка отдышавшись.

– Да так... – та смутилась, рассказывать все не хотелось, а без этого объяснения про взгляд выглядели глупо. – Волнуюсь я, Даша... Непривычно все... а коли что не так будет?

– Вот еще выдумала! Чего волноваться-то! С нами еще Варя будет. Ты за нас держись, первой на звонок не беги, а поминай, что мы делаем, вот так и справишься потихоньку, – Дарья подхватила подругу под руку, провела по лестнице для прислуги.

Они миновали темное помещение и вышли в комнату, стены которой были затянут красным шелком. По углам комнаты стояли знамена, а в центре расположился стол, за которым сидели офицеры. При виде фрейлин они вскочили, небрежно покидав карты на стол.

Уловив на себе настороженный взгляд трех пар желтых волчьих глаз, Настя поняла – преображенцы. Все трое – молодые, высокие, статные. Белова среди них не было.

– Добрый день, господа, – Дарья улыбнулась. – Анастасия, сии отъявленные ловеласы – офицеры Преображенского полка Петр Васильев, Семен Сазонов, да Илья Волков. Господа, представляю вам Анастасию Платоновну Збышеву,

новую фрейлину государыни нашей. Прошу любить и жаловать.

Двое поклонились, а третий смело шагнул вперед.

– Любить – это мы завсегда, – лихо подмигнул он, склоняясь над Настиной рукой. – Вы только скажите! Петр Васильев, к услугам вашим!

Настя поджала губы, но затем улыбнулась и постаралась кивнуть как можно более приветливо. Куртуазность двора ее настораживала.

– Осторожнее, господа офицеры, – тем временем продолжила Дарья, заметив растерянность подруги. – Настасье сама Софья Петровна Горбунова покровительствует... Если что – с Григорием Беловым дело иметь придется! Кстати, а где он сам? Опять караулы расставляет?

– Нет, он у государыни.

– У государыни? – переспросила Настя. – А...

– Его Бутурлин вызвал. Командир наш, – охотно пояснил все тот же Волков. Остальные закивали, подтверждая слова приятеля.

– Ладно. Как вернется, передайте, чтоб к нам непременно зашел, – распорядилась Дарья, – Анастасии Платоновне с ним поговорить надобно!

Не дожидаясь ответа, фрейлина пошла дальше, ведя за собой подругу.

– Даш, а зачем мне с Беловым разговаривать? – прошептала Настя, когда они вышли из комнаты и дверь закрылась.

Подруга недоуменно посмотрела на нее.

– Ты же сама хотела, насчет Глаши своей!

– Точно, – выдохнула девушка, совершенно забыв про свои намерения, слишком уж много всего случилось за те два дня.

– Вот и оказия! Скажешь, чтоб денщика своего приструнил! – они, наконец, зашли в небольшую комнату, где уже сидела девушка в голубом платье и с шифром на плече. – Варенька, душа моя, здравствуй!

– Дашенька, – та вскочила и расцеловала фрейлину в щеки, затем весело посмотрела на Настю, – Новенькая? Меня Варварой кличут. Варвара Захарова.

– Анастасия. Збышева.

– Наслышана, – усмехнулась Варя, вновь садясь в кресло. – Весь двор судачит, как тебе удалось с Беловым под руку пройти, да Марфу с носом оставить.

– Да так, – Настя уже устала рассказывать байку про покровительство Софьи Петровны.

– Ладно, потом, – Варя махнула рукой, совершенно правильно истолковав замешательство новенькой. – Государыня в дубовом кабинете. У них с подполковником Бутурлиным секретный разговор.

– Знаю, нам охрана сказала! – отмахнулась Дарья, – А из статс-дам кто на дежурстве?

– Матрена. Кстати, Головина тоже здесь!

– А она что забыла? Завтра же должна! – изумилась Дарья.

– А Белов-то сегодня, – хохотнула Варя. – Вот она и старается.

Она хотела добавить что-то, но колокольчик над дверью требовательно зазвонил. Дарья моментально вскочила и направилась к дверям.

В комнате повисло неловкое молчание. Настя чувствовала на себе изучающий взгляд фрейлины. Она повернулась и взглянула прямо в глаза. С минуту девушки переглядывались, потом обе рассмеялись.

– Ну, знакомы будем! – весело произнесла Варвара.

Девушка хотела добавить еще что-то, но вернулась хмурая Дарья.

– Ой, девицы, весело нам будет! – фрейлина рухнула в кресло. – У Елисаветы Петровны настроение поганое!

– С чего бы?

– Не знаю. У нее в кабинете до сих пор Бутурлин и, говорят, сам Шувалов заходил!

Обе фрейлины переглянулись.

– Шувалов? – переспросила Настя.

– Александр Иванович Шувалов из тех, кого бояться надобно. Уж который год Тайную канцелярию возглавляет! – пояснила Варя. – Может, он что прознал и настроение Елисавете Петровне испортил?

– Там еще Белов, – тихо добавила Настя. – Преображенцы на карауле сказывали, что он с Бутурлиным прошел. Может, из-за него?

– Кто ж скажет? А ты за него беспокоишься? – глаза Даши весело блеснули.

Настя повела плечом.

– Вот еще, беспокоиться! – как можно более беззаботно ответила она. – Чай не маленький, сам справится!

– Все-таки беспокоишься, – заключила Даша и повернулась к подруге. – Варь, мы пока Настасью к государыне впускать не будем, чтоб вконец не осерчала.

– Ладно, – согласилась та.

– Но как же... – попыталась возразить Настя. – Я ж на службе!

– А никак. Вдруг оплошаешь, всем несдобровать! Сиди пока, опыту учись! – одернула подругу Дарья.

Её вновь прервал звон колокольчика.

– Началось... – на этот раз вышла Варя.

Колокольчик звонил постоянно. Через час у Насти уже звенело в ушах. Она сидела в комнате и уже с завистью смотрела на постоянно бегающих к императрице фрейлин. Самой же девушке приходилось оставаться в комнате.

Настя уже не знала, чем себя занять, когда вдруг запыхавшаяся Варя прибежала в комнату.

– Насть... Государыня тебя требует!

– Хорошо. – Стараясь не выдать своего волнения, Настасья встала, быстро расправила платье и поспешила за подругой.

Елисавета Петровна все еще находилась в кабинете, на-

званным дубовым из-за огромных темных панелей, закрывавших стены до потолка. Красные портьеры обрамляли окна с мелкой расстекловкой, за ними виднелся водяной столб Самсона.

Настя почти сразу вспомнила свое первое появление в этом кабинете, и её вновь охватил страх. Правда, на этот раз за дубовым столом, стоявшем промеж окон, никого не было. Настя растерянно замерла.

– Ну что, Настасья... – голос за спиной заставил подпрыгнуть и быстро обернуться. – Прячут тебя девушки от моего гнева?

Императрица сидела за небольшим туалетным столиком, поставленным у закрытого ставнями окна. Алая портьера создавала подобие алькова.

Государыня была одета в белое платье с юбками, затканными серебром и алым шелком. Бриллиантовые серьги с сапфирами в виде фонтанов ярко искрили на солнце, а белокурые волосы государыни украшала такая же диадема. Колье в три ряда жемчуга, перемежающегося с сапфирами, ниспадало в глубокий вырез платья. Пластрон платья был расшит райскими птицами.

Елисавета Петровна с улыбкой наблюдала за своей новой фрейлиной и Настя, вдруг спохватившись, что рассматривает государыню непочтительно долго, присела в реверансе.

– Ваше императорское величество...

– Встань, чего уж там! – государыня махнула рукой.

Кольцо вновь сверкнуло на пальце. Настя нахмурилась. Она слышала, что есть такие кольца. Их изготавливали специально для защиты от ведьмовских чар. Вспомнив, что кольцо так же сверкало при каждой встрече, девушка испуганно вздрогнула.

Императрица тем временем рассматривала новую фрейлину.

– Хороша. И платье тебя красит. Драгоценностей, правда, нет, надо твоему жениху намекнуть. Что ж невеста-то как нищенка ходит.

– Не надо ему говорить! – вспыхнула Настя, серые глаза сверкнули. – Мне от него ничего не надобно!

– Успокойся! – охладила ее императрица, – Ишь, глазами сверкаешь, ведьма!

Настя невольно сглотнула. Елисавета Петровна усмехнулась.

– А ты думала, не замечу?

– Думала, – подтвердила девушка, старательно не смотря на ярко сияющее кольцо на руке императрицы.

– Сила у тебя знатная, – продолжала та. – Вон, как камень искрит. Кто тебя обучал?

– Никто. Мать умерла, мне семь лет было. Больше никто и не знал.

– Вот как? – во взгляде государыни мелькнуло сочувствие. – Скрывала стало быть? Отчего?

– Люди у нас не поймут. Да и мне самой спокойнее было, –

пояснила Настя.

Елисавета Петровна кивнула:

– Может, и к лучшему это. Надобно тебя в обучение отдать... кому только... Не к Шувалову же... У него жена-а...

Она задумалась, затем усмехнулась.

– А вот с Анной Михайловной, думаю, вы поладите. Жена подполковника Бутурлина, что преображенцами командует. Ведьма она знатная! Надобно ей написать о тебе, – Елисавета Петровна встала и прошла за письменный стол.

Настя обреченно следила за тем, как перо скользит по бумаге. Каждая строчка воспринималась, словно приговор. Девушка уже страшилась эту незнакомую ведьму. В монастыре, где Настя проводила достаточно много времени, ведьм не любили, осуждая скрытую в них силу. Оттого Настасья и молчала о себе, не желая привлекать внимания.

– Ну, вот и готово! – государыня присыпала лист песком, тут же смахнула, запечатала и протянула фрейлине. – Отнеси во флигель под гербом, там у меня почтовая служба. Пусть немедля отправят Бутурлиной Анне Михайловне.

– Да, – Настя приняла конверт.

Императрица встала и подошла к окну, явно любуясь фонтанами.

– Не любит Анна Михайловна мой Питерсхофф, была б ее воля, в Москву бы вернулась... Но ради такого случая придет. Заодно и муж её под надзором будет, оно на душе спокойнее! А теперь ступай!

Насте не оставалось ничего другого, как сделать положенный реверанс и выйти. Радуюсь возможности прогуляться, девушка вышла из дворца и направилась вдоль террасы к флигелю под гербом.

В парке, как обычно, былолюдно: придворные гордо фланировали по дорожкам и толпились на террасе перед дворцом, в надежде попасться на глаза императрице или Рассумовскому.

У одного из фонтанов копошились мужики в бело-зеленой униформе – фонтанщики, коих специально обучали и держали целый штат.

Отдав письмо и передав наказ государыни, Настя направилась во дворец уже не торопясь. Девушка поднялась по ступеням ко входу, когда двери распахнулись, и на крыльцо вышла молодая женщина. Её платье было столь пышным, что Настя невольно посторонилась, чтобы разминуться. Но женщина замерла на ступенях, внимательно рассматривая повстречавшуюся ей фрейлину.

Насте пришлось тоже невольно взглянуть на ту, кто преграждал дорогу. Женщина была очень хороша собой. Правильные черты лица, красиво изогнутые брови, про такие говорят – соболиные, пухлые алые губы, высокая, пышная грудь, которую почти не прикрывало кружево. Красавица очень тяжело дышала, словно бежала, хотя, скорее всего причина была в корсете, перетягивающем талию.

– Это ты Збышева? – поинтересовалась незнакомка, в го-

лосе слышалось презрение.

Только сейчас Настя заметила на плече у женщины такой же шифр, как и у нее самой, но платье не голубое, а зеленое. Стало быть, статс-дама. Девочки уже пояснили Насте, что у фрейлин платья обязательно голубые, а вот у статс-дам – зеленые.

– Я, – Настя вспомнила слова Вари про Головину и, уже не сомневаясь, кто перед ней, гордо вздернула голову. – С кем имею честь?

– Статс-дама её императорского величества Головина Мария Павловна, – она не спешила уходить с дороги. – Как вы понимаете, моя милая, мой статус гораздо выше вашего, и в моей власти доставить вам много неприятных моментов.

Настя упрямо молчала, и ее собеседница восприняла это как слабость.

– Надеюсь, мы поняли друг друга? – Головина ослепительно улыбнулась. – К тому же с вашей внешностью у вас немного шансов очаровать Белова...

– А с чего вы взяли, что мне надобно его очаровывать? – девушка заметила, что вокруг начали собираться люди.

Три дамы подошли ближе, буквально вытягивая шеи, а какой-то кавалер остановился, делая вид, что любит фонтаном, при этом мужчина все время оглядывался.

– Я рада, что мы поняли друг друга, – Головина начала грациозно спускаться со ступеней.

Настя следила за ней, чуть прищулив глаза. В груди кипе-

ло. Пальцы заискрились от Силы. Статс-дама шагнула на последнюю ступеньку, когда вдруг раздался хлопок, словно порвалась бечевка. Затем – металлический звон булавок, падающих на гравий.

Соперница завизжала, хватая вдруг начавшее сползать платье. Настя прикусила губу, чтобы не рассмеяться. Шнуровка корсета статс-дамы лопнула от натуги. Пластрон слетел и теперь болтался на одной булавке, грудь так и грозила вырваться из глубокого декольте, а фижмы перекосило. Талия Головиной увеличивалась просто на глазах, верхнее платье расползлось, демонстрируя нижние одежды.

Невольные зрители, обрадовавшись такому представлению, начали подходить ближе, от забора раздался смех и улюлюканье крестьян, которые сразу же принялись обсуждать происшествие.

– Ишь, тела разъела! – комментировал один из них.

– Оно и понятно, на государевых харчах! – вторил ему приятель. Корсеты и то не выдерживают.

– Так оне ж на ткани экономят, ткань-то английская, по три рубля отрез! Вот и затягиваются!

– Смотри, а позади-то не шелк, а сукно простое!

– Мария Павловна, вам бы переодеться! – подскочил к багровеющей от злости статс-даме один из лакеев.

– Пошел вот! – та уже запахнулась и хотела вклепить пощечину, но тут же, ойкнув, подхватила вновь сползающее платье.

В толпе раздалась крики и хохот. Повернувшись, Головина с полыхающими щеками и абсолютно прямой спиной направилась обратно во дворец, но теперь, когда она придерживала руками свое платье, юбки не проходили в дверь. понадобилась помощь двух украдкой прыскающих от смеха лакеев, чтобы протащить ругающуюся статс-даму через двери.

Несколько разодетых кавалеров даже начали давать советы, их спутницы хихикали, а один особо прыткий гвардеец вызвался помочь, но получил резкий отказ.

Настя все еще стояла на крыльце, стараясь не привлекать внимания. Первичное торжество сменилось чувством стыда. Она прекрасно понимала причину, по которой у Головиной друг распустился корсет. Ослепленная злостью, девушка не стала сдерживать силу. Более того, Настя хотела, чтобы с этой самонадеянной статс-дамой случился какой-нибудь конфуз. Тяжело вздохнув, она прошла за соперницей во дворец.

Там уже тоже собрались зрители, собиравшиеся состояться в остроумии.

– Мари, вы решили ввести новую моду и раздеваться до исподнего уже на крыльце? – ехидно спросил какой-то остряк. Стоящие вокруг рассмеялись.

– А вы, сударь, моде этой следовать желаете? – храбро поинтересовалась Настя. – Коли так, ваш камзол нам пригодится!

Она требовательно протянула руку. Остряк нахмурился.

– Прелестное дитя, откуда вы взялись?

– Из Пскова. А там мужчина, коль видит, что дама в беду попала, спешит ей помочь, а не зубоскалит! Поэтому вместо того, чтобы шутки отпускать, вы бы свой камзол сняли и даме предложили, чтобы укрыть от нескромных взглядов!

– Боже, какие нравы в нашей провинции! – фыркнул мужчина, тем не менее снимая с себя камзол и накидывая его на плечи статс-даме. – Мари, надеюсь, вы оцените благородный жест сей девицы!

Головина вспыхнула еще больше и бросила быстрый взгляд на Настю.

– Хотите, я вас проведу до комнаты? – предложила девушка.

Статс-дама покачала головой.

– Нет, это было бы уже слишком...Извините, – все еще красная от стыда, она поспешила скрыться от людских взглядов.

Настя побрела во фрейлинскую. Настроение, и без того не слишком радужное, окончательно испортилось. Размышляя о случившемся, девушка совершенно забыла, что ей надо пройти через караульную, где сидели преображенцы.

Белов был среди них. Судя по всему, офицеры только что отошли от окна, наблюдая за происходящим на крыльце. Они все еще посмеивались. Это разозлило Настю еще больше.

Холодно кивнув, девушка собиралась пройти комнату, но

Григорий кинулся за невестой.

– Настя, стой!

– Что тебе? – девушка остановилась у дверей, даже не скрывая своей неприязни к преображенцу.

– Мне ребята сказали, что ты меня искала, – пояснил он, виновато смотря на невесту.

Точно, все видел, что на крыльце было, но спускаться не стал. От этого Настя разозлилась еще больше.

– Поговорить хотела, – голос звучал резко.

– Здесь? – Григорий выразительно посмотрел на остальных караульных, но Настю уже было не остановить.

– Можно и здесь. Амуры ни с кем не кручу, и потому секретов у меня особых нет. Ваську своего уйми, пусть на Глашу мою не заглядывается!

– А что в этом плохого? – пожал плечами Белов. – Василию Глаша нравится, он ей помогает, да и тебе же спокойнее, если под присмотром она.

– Знаю я твои присмотры! – фыркнула Настя. – К статс-даме этой, Головиной, ты тоже присматривался? Али сразу под юбку полез?

– У-у-у, – протянул кто-то из наблюдавших за ссорой офицеров, – Гриш, вы хоть из караульной выйдите! А то сейчас тебя по щекам отхлещут, а мы все это смотри!

– Она не по щекам, она в ухо дать может, – скупко проинформировал Белов, подхватывая девушку под руку и выводя из комнаты.

– Ну, какая муха тебя укусила? – мрачно поинтересовался преображенец, когда двери за ними закрылись.

– Никакая, – буркнула Настя, вырывая руку. – Василий твой Глаше голову заморочил, она, дурища, окромя него никого и не видит!. Он-то порезвится, а девке потом с этим жить!

– Неужели Васька Глашу в блуд ввел? – нахмурился Григорий. – Если так, то я его выпорю и жениться на ней заставлю!

– Просто-то как у тебя все, – фыркнула девушка. – «Выпорю», «заставлю»!

– А что в этом сложного? – пожал плечами Григорий. – Сходит Васька на конюшню, свое получит, и – под венец!

– А коли не виноват он?

Белов шумно выдохнул.

– Ты уж определись, виноват он али нет! – сердито произнес преображенец. – Может, девка твоя сама к нему в постель прыгнула!

– Да как ты смеешь вообще такое говорить! Глаша моя – девица порядочная!

– Тогда к чему ты все развела? – взвился Белов, недосып все-таки давал о себе знать. – Коли девка твоя честь блюдет, не даст она моему Ваське, и вся недолга! А ежели тебе заняться нечем, окромя что ласы точить, то во фрейлинскую ступай, там занятие быстро найдется, а мне на службу пора!

Не дожидаясь ответа, он развернулся и скрылся в сосед-

ней комнате, хлопнув дверью. Настя зло посмотрела на закрытую дверь и направилась во фрейлинскую.

Глава 10

Белов ворвался в караульную с таким перекошенным от злости лицом, что остальные офицеры предпочли молча сесть за карточный стол. Сам Григорий несколько минут кружил по комнате, сжимая и разжимая кулаки и бормоча что-то себе под нос.

– Гриш, может посты проверишь, время уже! – посоветовал Васильев, которому явно надоело это мельтешение перед глазами.

– А сам что? – огрызнулся тот.

– Фортуна у меня, она дама капризная! – Преображенец развернул веер карт, демонстрируя приятелю. – Спугнуть боюсь! А ты все одно круги наматываешь, так пройдешься.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.